

Секс - моя жизнь. Откровенная история суррогатного партнера

Автор:

[Лорна Гарано](#)

Секс - моя жизнь. Откровенная история суррогатного партнера

Шерил Коэн Грин

Лорна Гарано

Это откровенная биография женщины с необычной профессией, которая стала известной благодаря фильму «Суррогат» с Хелен Хант и Джоном Хоксом в главных ролях, номинированному на «Оскар».

Шерил Коэн Грин уже больше 40 лет работает суррогатным партнером, она помогает своим клиентам преодолевать сексуальные проблемы. Эту профессию многие могут сравнить с проституцией, но разница в том, что цель суррогатного партнера не сексуальная близость, а подготовка клиента к здоровым сексуальным отношениям.

История, которая начинается со слов: «У меня было больше 900 партнеров», - обещает быть интересной...

Шерил Грин, Лорна Гарано

Секс - моя жизнь. Откровенная история суррогатного партнера

Cheryl T. Cohen Greene, Lorna Garano

An Intimate Life: Sex, Love, and My Journey as a Surrogate Partner

Copyright © 2012 by Cheryl T. Cohen Greene with Lorna Garano

© Милоградова Ю.А., перевод на русский язык, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)
(<http://www.litres.ru/>)

* * *

Моему мужу Бобу.

Публикация этой книги стала возможной благодаря его любви и поддержке. Я тебя люблю!

Об именах и другой личной информации

В этой книге я рассказываю истории из моей практики. Из соображений конфиденциальности я изменила имена, физические характеристики и некоторые особенности поведения. Многие из этих историй произошли много лет назад, и мне пришлось восстанавливать диалоги и мелкие подробности, которые не сохранились в памяти. Кроме того, по тем же причинам я заменила псевдонимами имена друзей, членов семьи и знакомых.

Предисловие

Сексуальная терапия с участием суррогатного партнера предполагает участие трех человек – клиента, суррогатного партнера и психотерапевта, который является связующим звеном. Это моя роль. Я рекомендую данный вид терапии клиенту, которому она необходима.

Когда процесс уже запущен, суррогатный партнер и я «проговариваем» каждое занятие и назначаем следующее. Затем обсуждаем с клиентом полученный им опыт на психотерапевтическом сеансе. Мы с Шерил изучили более сотни случаев в поисках правильного решения.

Тридцать лет работы с Шерил научили меня многому. Самыми важными я считаю три вещи: сексуальная терапия, как и сама жизнь, никогда не развивается равномерно, поэтому следует запастись энергией; суррогатный партнер наделен добрым сердцем и искренне находит привлекательными людей, лица которых не красуются на обложках журналов; и, наконец, даже фильм «СПИД – чума XX века» не сможет остановить ее, потому что она прекрасно делает свою работу.

Шерил – единственная в своем роде. Я хочу, чтобы мне передались ее способность погружаться в материал и отношение к работе. Она с готовностью посвящает себя созданию правдивой картины человеческой сексуальности, сохраняя при этом оптимизм и проявляя удивительную чуткость. Она обязана быть чуткой! Необходимо испытывать искреннее участие, чтобы вести откровенную беседу и объяснять человеку, как правильно касаться и как отвечать на прикосновения. Обязательным условием также становится объяснение исключительной важности интимной гигиены в отношениях с будущим сексуальным партнером. Суррогатный партнер не сможет стать ролевой моделью для сексуального общения клиента уже в реальной жизненной

ситуации, если будет неискренен. Работа Шерил – научить сидеть лицом к лицу, глядя прямо в глаза, без одежды. Эта профессия нетрадиционна, но без нее не обойтись.

Суррогатные партнеры учат своих клиентов и служат для них своего рода стабилизаторами. Многие клиенты обращаются к сексуальной терапии, будучи убежденными в уникальности своего случая, полагая, что безнадежны, что им уже не помочь. Многие из тех, кого я направляла к Шерил, обратились ко мне с синдромом «одного ботинка, прибитого к полу». Они описывают круги, центром которых является их проблема, они не умеют меняться и оказываются прикованными к собственным сексуальным проблемам. В центре внимания суррогатного партнера – человек, с которым он работает, но в то же время его задача – вывести клиента за пределы круга ложных представлений, которые «приковали к полу его ботинок».

Не только клиенты суррогатного партнера подвержены влиянию косных представлений. Я помню, как мы с Шерил присутствовали на конференции по сексологии в 1985 году. СПИД уже был признан одной из главных проблем сексуальных отношений. Аудитория, состоящая из психотерапевтов, исследователей этого вопроса и специалистов в области полового воспитания, с нетерпением ждала доклада Шерил об ее опыте работы в качестве суррогатного партнера, и у кого-то возник вопрос, касающийся серьезной, представляющей опасность для жизни угрозы. Может ли вообще суррогатный партнер воспользоваться презервативом, если его клиент страдает от эректильной дисфункции?

Конференция проходила в отеле, и, как всегда в подобных случаях, в углу зала был накрыт стол для завтрака. Когда Шерил затронула в своем докладе вопрос о контрацепции, она попросила одного из присутствующих принести ей банан со стола. По комнате прокатилась волна тихих смешков. Кто-то вызвался принести банан, и Шерил попросила съесть его – смешки стали громче. Потом она попросила дать ей кожуру. И прямо там, в лекционном зале, полном специалистов, Шерил открыла упаковку с презервативом и, держа банановую кожуру в одной руке, второй рукой надела на нее презерватив буквально за три секунды. Сходство между пустой банановой кожурой и расслабленным пенисом не вызывает сомнений. Вопрос был исчерпан.

Многие клиенты сомневаются в своей сексуальной привлекательности. Однажды я спросила у Шерил, как обстоят дела с одним человеком, которого я недавно к

ней направила. Мы обе знали, что одним из аспектов терапии была необходимость заставить его поверить, что он может быть привлекателен для женщин. Я спросила, каким образом она этого добивалась. Она, не раздумывая, ответила со своим отчетливым бостонским акцентом: «У него прекрасные уши и великолепная шея. Мне кажется, это очень сексуально». Именно поэтому в поразительную историю, рассказанную в первой главе, я верю от первого до последнего слова. Если у кого-то были основания не верить в свою привлекательность, так это у Марка.

Можно предположить, что столько лет непрерывной работы утомили Шерил, ведь ей раз за разом приходилось объяснять и внушать одни и те же вещи. Но это не так. Каждый раз, когда мы советуемся по поводу общего клиента, Шерил с точностью до последнего слова передает все, что она ему говорит, как если бы я слышала это в первый раз, а она в первый раз произносила. Подобная свежесть восприятия не может быть надуманной, искусственной, и в этом кроется причина того, что 70-летняя женщина по-прежнему выполняет свою работу с радостью и стремлением достичь успеха.

Мы вместе участвовали в конференциях, были свидетелями поворотных событий в жизни друг друга и несколько раз выступали с публичными обсуждениями в надежде просветить и проинформировать – и все это только для того, чтобы обнаружить, что искусство монтажа зачастую искажало наши благие намерения.

Для меня большая честь писать предисловие к книге, которая читается как приключенческий роман, даже несмотря на то, что мне известны все повороты сюжета, большинство персонажей и развязка каждой истории. Я надеюсь, что вам, как и мне, покажется большой удачей возможность войти в число тех, кому довелось узнать ее.

Доктор Луэнн Коул Уэстон

Вступление

У меня было больше девяти сот партнеров. Не со всеми я вступала в сексуальный контакт, но это происходило с большинством из них. Подобные заявления без сомнения вызывают бурную реакцию. Я спрашиваю людей, какие слова приходят им на ум, когда они слышат эту цифру. Самый частый ответ – шлюха. Так вот: я не шлюха, хотя, смею предположить, некоторые со мной не согласятся. Я суррогатный партнер. В наши дни многие думают, что в мои обязанности входит вынашивать детей для бесплодных пар. Когда я поясняю, что на практике помогаю своим клиентам решить трудности, связанные с сексом, это приводит в замешательство. Разве это не называется проституцией? Некоторые даже озвучивают этот вопрос.

В то время как проституция – одна из старейших профессий, суррогатная терапия – профессия новая. Клиента ко мне всегда направляет психотерапевт. Они страдают от импотенции, преждевременной эякуляции, комплексов по поводу собственной привлекательности, недостатка или отсутствия сексуального опыта, трудностей в общении, неудачной внешности или целого комплекса подобных проблем. Практически всем мужчинам (и иногда женщинам), с которыми я работаю, не хватает чувства близости с любящим человеком, и это касается не только сексуальной жизни. Задача суррогатного партнера заключается в том, чтобы объяснить, каким образом можно построить здоровые, крепкие отношения.

У меня есть набор упражнений, которые я выполняю с клиентами, чтобы помочь им решить свои проблемы и достичь успеха. Много времени я посвящаю рассказам об анатомии и человеческой сексуальности вообще. Я тесно сотрудничаю с психотерапевтом, который направил клиента ко мне, обсуждая после каждого сеанса полученный результат. Обычно я провожу от шести до восьми сеансов. Одно из основных заблуждений о сути работы суррогатного партнера касается того, сколько времени уходит на сам половой акт. Действительно, я занимаюсь сексом с большинством своих клиентов, но только после того, как мы выполним необходимые упражнения, направленные на то, чтобы клиент лучше узнал свое тело, преодолел комплексы по поводу внешности, научился расслабляться и отрабатывать коммуникационные навыки. Секс я оставляю для последних сеансов. Важно помнить, что я суррогатный партнер, а не суррогат секса. Моя основная задача – построить модель здоровой близости с клиентом, а для этого требуется гораздо больше, чем сексуальный контакт.

Мои клиенты – люди разных национальностей и с разным социально-экономическим положением. Самому молодому из них было восемнадцать, самому старшему – восемьдесят девять. Среди них были руководители компаний, водители грузовиков, прокуроры и плотники. Встречались красавчики, но были и мужчины заурядной внешности. Я работала с семидесятилетним девственником, со студентом колледжа, который страдал от преждевременной эякуляции, и с мужчинами всех возрастов, которые не умели говорить о сексе.

* * *

Я начала работать в 1973 году, пока я к этому шла, сексуальная революция завершилась в нашем обществе и в моем сознании. Я росла в сороковые и пятидесятые годы, когда полового воспитания нам, мягко говоря, не доставало. Когда я начала заниматься этим сама, то обнаружила, что многие понятия о сексе, которые нам внушали, искажали реальную картину или просто были неверными. Основные уроки мы получали на детской площадке, в церкви и возле телевизора. Мои родители едва могли сами говорить о сексе, и тем более не могли рассказать о нем мне. К сожалению, многие родители и сейчас не могут предоставить своим детям достоверную информацию о сексе, не придавая своим словам оттенка осуждения, и в этом они мало отличаются от моих родителей, живших полвека назад. Я часто задумываюсь о том, насколько более здоровыми, умными и счастливыми могли бы быть наши дети, если бы их родители обладали достаточным знанием и умением, чтобы говорить откровенно и соответственно возрасту.

Надежды, которые питала я и многие другие в наполненные оптимизмом дни сексуальной революции, не оправдались. Большинство из нас остается во власти разных иллюзий по поводу секса и собственного тела. Недовольство системой полового воспитания, основанной на реальных фактах, проявляют те, кто хочет повернуть время вспять. Телевидение и Интернет круглосуточно обрушивают на нас шквал ложной информации. Мы еще больше запутались. Мы шутим, сетуем; мы разоблачаем тех, кто занимается сексом нетрадиционными способами; мы, и я вряд ли буду первой, кто произнесет это вслух, используем секс, чтобы продавать все на свете – от жевательной резинки до внедорожника. Но мы по-прежнему не знаем, как говорить об этом честно, без неприязни, как взрослые люди.

Я давно хотела рассказать свою историю, и события, происходившие в моей жизни, только утверждали меня в этой мысли. С годами изменилось многое, кроме моего убеждения в том, что сила рассказанной истории может вдохновлять и призывать к действию. Моя жизнь, во многих смыслах, является образцом. Я выросла в эпоху, когда господствовала строгая доктрина в отношении женской сексуальности. Она брала свое начало как в религии, так и в светских правилах. Когда я оглядываюсь назад, то удивляюсь тому, какое чувство вины и стыда вызывала одна из самых естественных человеческих потребностей и какое влияние это оказывало на меня, молодую девушку. Я родилась в период «бэби бума»[1 - Baby boom - период между 1946 и 1964 годами, когда в США был зафиксирован резкий взлет рождаемости. - Прим. пер.]. Моя молодость растянулась на две эпохи. Мне было двадцать с небольшим в шестидесятые. Дух перемен, господствовавший в обществе, заставил меня подвергнуть сомнению и пересмотреть свой взгляд почти на все, чему меня учили. Многие представления, которые мне внушили в детстве, не выдерживали критики. Этот процесс получил завершение, когда я стала суррогатным партнером.

В дополнение к моей собственной истории я пересказываю истории моих клиентов, потому что убеждена, что им есть что рассказать о сексуальной жизни и обстоятельствах, которые могут ее осложнить. Их опыт дает редкую возможность увидеть, какие факторы влияют на этот процесс и как можно помочь.

Если это до сих пор не очевидно, скажу прямо – у моей книги есть миссия. Я надеюсь, что она, хотя бы отчасти, будет способствовать тому, что открытое, искреннее обсуждение секса станет возможным. Также я надеюсь, что она вдохновит читателей, вне зависимости от возраста, на признание и утверждение своей сексуальности. У каждого есть право на секс, который удовлетворяет морально и физически, и мой опыт показывает, что залог этого – здоровое общение, самоуважение и стремление искать что-то новое. Моя задача – говорить откровенно и без страха, и это сделает возможным все вышесказанное.

Глава 1

Тяжело дышать: Марк

Марк О'Брайен приоткрыл рот и издал тихий сдавленный звук. Я схватила трубку, которая, как усик цепкого растения, тянулась от переносного дыхательного аппарата, прикрепленного сиделкой к спинке кровати. Когда я привстала, чтобы поднести трубку ко рту Марка, моя грудь задела его щеку и мы оба улыбнулись. Марк сжал губами плоский конец трубки, и долгожданный глоток воздуха наполнил его легкие. Он закрыл глаза, наслаждаясь кислородом, который многие из нас принимают как должное. Моргнула лампочка, и раздалось громкое тиканье. Он разомкнул губы и открыл глаза. Я осторожно вынула трубку, оставив ее на подушке. Его голова оставила влажный от пота след на подушке.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Хорошо, Шерил. Это было не так страшно, как мне казалось. Нет, наверное, все-таки страшно, но я рад, что это произошло, – его лицо озарилось милой мальчишеской улыбкой.

Шел 1986 год, и уже тринадцать лет я была суррогатным партнером. Мне и раньше приходилось работать с инвалидами, но никто из них не был в таком тяжелом состоянии, как Марк. Большую часть из своих тридцати шести лет Марк провел внутри устройства под названием «железное легкое», после того как в шесть лет переболел полиомиелитом. Самостоятельно он мог дышать только непродолжительное время, и в течение наших двухчасовых встреч, для которых он снял просторный коттедж в Беркли, ему постоянно был необходим дыхательный аппарат.

«Железное легкое» – это машина для дыхания. Она выглядела как широкая труба с рычагами и кнопками, которая охватывала все тело Марка, оставляя снаружи только голову. Аппарат на несколько секунд создавал атмосферу сильно разреженного воздуха внутри трубы, чтобы поднялась грудь и легкие наполнялись кислородом. Марк спал в «железном легком», кровати у него не было. К счастью, у него была подруга, которая предоставила нам свою кровать.

Марк был парализован; пальцы рук и ног, рот и глаза – вот все, чем он мог пошевелить. После полиомиелита его тело было искривлено, левое бедро смещено к правому, ноги сжаты, как будто плотно спаяны. Его голова и шея были всегда повернуты вправо, так, что он мог смотреть только в одну сторону. Всю свою жизнь он лежал на спине, лишь иногда сиделка приподнимала его, чтобы помыть или одеть, или врач производил осмотр.

Как и других моих клиентов, Марка направил ко мне психотерапевт. Как и другие, он нервничал во время нашего первого сеанса. «Для него это важный день», – так сказала Вера, одна из сиделок Марка, когда я вошла тем утром в дом. Подруга, владелица коттеджа, тоже была инвалидом, поэтому к входной двери вел пандус, а кухонные ящики и дверные ручки располагались ниже обычного уровня.

Вера повела меня мимо гостиной, книжные полки там висели низко над полом, а дальше по коридору на стенах – черно-белые фотографии пейзажей. Она постучала в дверь спальни в конце коридора.

– Марк, Шерил здесь. Мы сейчас войдем, – произнесла она громко и медленно открыла дверь.

Жестом она пригласила меня войти первой. Марк лежал на широкой с пологом кровати, до подбородка накрытый синим вязаным одеялом. Сондра, психотерапевт Марка, говорила мне, что он худой, ростом меньше полутора метров и весит около 30 килограммов, и на мгновение я замерла, осознав, как это на самом деле мало. Покрывало едва приподнималось на кровати.

– Привет, Марк, – произнесла я. – Рада познакомиться с тобой.

– Приятно познакомиться, Шерил, – ответил он, и к его голосу примешивались булькающие звуки. Его василькового цвета глаза смотрели вниз.

– Я покажу, как пользоваться дыхательным аппаратом, и оставлю вас наедине, – сказала Вера.

Она показала на маленький рычажок, который я должна буду повернуть, чтобы начал поступать кислород, и поднесла трубку ко рту Марка.

– Видите?

Я кивнула. Марк сделал несколько маленьких глотков воздуха и разжал губы.

– Он покажет, когда достаточно, – она вынула трубку. – Увидимся позже.

По тому, как Марк произнес мое имя, я могла заключить, что у нас есть нечто общее – мы оба из Новой Англии. Я рассказала ему, что родилась в Сейлеме, недалеко от Бостона, и мои родители принадлежали большому франко-канадскому сообществу. Моя девичья фамилия – Theriault, и произносится она «Террио» (или «Террриииа», если ее произносит католическая монахиня-ирландка в начальной школе, где я училась).

– Ты католичка? – спросил он.

– Была раньше, – ответила я с улыбкой.

– А я все еще католик, – сказал он. – Мне необходимо верить в бога, чтобы было кого обвинять во всем, что со мной происходит.

Я засмеялась, и лицо Марка просветлело. Сняв куртку, которая была совершенно лишней в этот теплый мартовский день, и придвинув кресло, стоявшее в углу комнаты, я села рядом с кроватью.

– Давай обсудим, как будет проходить наша работа, – произнесла я, как будто мне самой это было до конца ясно. Как и у психотерапевтов, у суррогатных партнеров есть список предписаний и упражнений, необходимых для того, чтобы помочь клиенту измениться самому и изменить свою жизнь. Безусловно, ситуация, в которой находился Марк, требовала внести определенные коррективы, но я пока не совсем понимала, как это осуществить. – Темп нашей работы будет зависеть только от тебя. Сегодня я бы хотела узнать тебя получше и, если тебе покажется, что ты готов, приступить к упражнениям.

Я попросила Марка рассказать немного о своей семье и о том, как проходило его детство. Он родился в Дорчестере[2 - Дорчестер – район Бостона, основанный в XVII веке пуританами, выходцами из Англии. – Прим. пер.]. Его семья переехала в Сакраменто, в Калифорнию, когда ему было шестнадцать. В семье было четверо детей, он – старший. У него сохранились воспоминания о жизни, которую он вел до того, как перенес полиомиелит. Он помнил, что каждое утро просыпался в предвкушении того, как будет бегать и играть на улице. Он очень любил играть с соседскими детьми.

Болезнь обрушилась на него в 1955 году. Ему было шесть лет, и он сразу же стал главной заботой своей семьи, особенно матери. Она полностью посвятила себя

ему. На протяжении всех ранних лет его жизни она ухаживала за ним с неизменной лаской и терпением.

Несколько лет спустя сестра Марка, Карен, умерла от пневмонии, и с тех пор он не мог избавиться от незаслуженного чувства вины. Ему казалось, что родители, особенно мать, уделяли ему слишком много внимания и не заметили, что Карен нуждается в помощи, пока не стало слишком поздно. Ничто не указывало на то, что его опасения обоснованы, но избавиться от чувства вины Марк так и не смог.

Чувство вины было вызвано и множеством других вещей. Иногда Марк просыпался, чувствуя, что бедра покрыты липкой спермой. Он запомнил, как выражение отвращения пробежало по лицу его матери, когда она мыла его однажды утром. Ему было около двенадцати лет. Он мог возбудиться от того, что его левая нога перемещалась чуть дальше, и бедра тогда сжимали пенис сильнее. Несколько раз он просил медсестер расположить его ноги таким образом. Он обнаружил это, когда во время купания его оставили в таком положении на несколько минут.

Несмотря на то что Марка вряд ли можно было назвать католиком в традиционном смысле этого слова, он стыдился проявлений своей сексуальности и чувство стыда приписывал полученному в детстве религиозному воспитанию. Так же, как и муки совести, вызванные смертью сестры, это был подсознательный, иррациональный стыд, но для него он был так же реален, как и огромное «железное легкое», внутри которого он проводил большую часть жизни.

Родители никогда не говорили о сексе, и никто из целой армии докторов и психотерапевтов, которые занимались его лечением на протяжении всей его жизни, не могли дать ему ясного представления на этот счет. Проявления сексуальности – и с этим сталкиваются многие инвалиды – оставались незамеченными окружающими. Большинство, кажется, утвердилось в мысли, что физический недуг исключает потребность в прикосновении и человеческой близости.

Несмотря на физические трудности, которые приходилось преодолевать, Марк получил диплом специалиста по английскому языку в Калифорнийском университете в Беркли, и его поэтические произведения и статьи издавались. Он работал на текстовом процессоре с помощью палочки, которую держал ртом. Степень магистра он собирался получать по специальности журналиста, но

вскоре начали сказываться последствия полиомиелита, поражающие мышцы. От учебы пришлось отказаться. Он жил возле университетского кампуса и передвигался на инвалидном кресле, которое выглядело как медицинская каталка с мотором. Он лежал навзничь или немного приподнявшись. Его позвоночник был слишком сильно искривлен, и он не мог сидеть в обычном кресле.

Марк не помнил, была ли когда-нибудь его жизнь лишена этого чувства одиночества и отчужденности. Каждый следующий день был отрезком бесконечного пути, который простирался перед ним, как пустынная бескрайняя дорога. Его сексуальный опыт ограничивался несколькими случайными прикосновениями медсестер и внезапным возбуждением, когда ему помогали принимать ванну. Это всегда сопровождалось чувством неловкости и стыда. «Иногда я позволяю увлечь себя мыслью о том, что, возможно, кто-то ждет меня в этом мире, но, если быть честным, я думаю, надежды нет. Мне кажется, что я заглядываю в окно дорогого ресторана и вижу пирующих людей и роскошные блюда, которые мне уже никогда не попробовать», – говорил он.

Я достаточно долго была суррогатным партнером, чтобы хорошо изучить природу человеческой сексуальности, и знала, что привлекательность включает в себя множество факторов и необязательно иметь фигуру поп-звезд, растиражированных массовой культурой, чтобы иметь здоровые крепкие отношения и яркую сексуальную жизнь. Я знакома с людьми, возможности которых также были ограничены, но тем не менее у них было и то и другое. И все же – неужели он прав, когда говорит о невозможности найти себе пару? Я поняла, что снова и снова возвращаюсь к этой мысли. Несмотря на то, что я была знакома с Марком всего пару часов, он уже успел мне понравиться. Он был не лишен остроумия, он был умный, храбрый. Но мог ли человек с такими серьезными физическими недостатками с полным правом надеяться на то, что найдет себе партнера? Стала бы я встречаться с ним или испугалась бы? Благодаря своей профессии и особенностям собственного темперамента я склонна поддерживать и обнадеживать людей даже в самых сложных ситуациях, видеть в них потенциал и скрытые возможности. Я бы очень хотела уверить Марка, что обязательно найдется подходящий для него человек, но в то же время я боялась подарить ложную надежду.

– Марк, я не умею предсказывать судьбу, я просто должна все подготовить, чтобы, встретив подходящую женщину, ты мог создать крепкие, здоровые отношения, – сказала я. – Давай еще немного поговорим о том, как будет

проходить наша работа, о том, на что способно твое тело.

Я думаю, что произнесла эти слова не только потому, что хотела быть честной с Марком, но и для того, чтобы напомнить себе о границах возможностей суррогатного партнера.

– Предположим, ты вступил в отношения с человеком, который, как тебе кажется, идеально подходит для тебя. Что ты почувствуешь?

– Много всего, наверное. Тревогу, радость, облегчение.

– Что тебя тревожит?

Марк сделал паузу, а потом попросил дать ему трубку с кислородом. Я поднялась, подошла к респиратору, и деревянный пол старого коттеджа скрипнул под моими шагами. Через несколько секунд он разомкнул губы, и я вынула трубку у него изо рта.

– Я боюсь показать, что я... еще девственник, что она захочет видеть рядом кого-то более опытного и умелого.

– Так, хорошо, значит, ты хочешь приобрести опыт. Это естественно. Многие боятся, что у них недостаточно опыта, чтобы доставить удовольствие партнеру.

– Я не хочу прожить всю жизнь без секса.

– Ты и не проживешь. Мы вместе будем работать над этим.

Для человека, находящегося в положении Марка, было важно услышать, что он может достигнуть того, о чем мечтает, и что его мучают те же страхи, что и многих из нас. Даже те из моих клиентов, которые не сталкиваются с такими трудностями, как Марк, с облегчением узнают, что они не одиноки в своих сомнениях. Марк так привык быть в стороне, нуждаться в специальном обращении, что сказанное мной было равносильно комплименту.

Мы с Марком говорили около часа. Поскольку он был готов к этому, пришло время перейти к физическим упражнениям.

- Как тебе кажется, можно уже приступить к изучению твоего тела?

- Ну да, то есть я бы хотел это сделать.

Теперь нужно было раздеться, то есть я должна была снять с Марка одежду и впервые увидеть его тело. Внезапно меня охватил страх. Он был таким хрупким. Что, если я пораню его или не смогу работать с его телом?

- Марк, в любой момент, если я сделаю что-то, что тебе не понравится, дай мне знать. Не только для нашей совместной работы, но и для тебя самого важно научиться говорить потенциальному партнеру о том, что ты чувствуешь. Если тебе будет плохо, неудобно, просто скажи, чтобы я перестала, хорошо?

- Хорошо, - ответил он, и по его лицу пробежала тень беспокойства.

- Помни, все это мы делаем для тебя, поэтому если захочешь, чтобы я делала что-то медленнее или перестала делать вообще, достаточно просто сказать мне об этом.

Я осторожно подняла одеяло. Он был одет в красную рубашку с длинными рукавами и черные тренировочные штаны. «Медленно и аккуратно, медленно и аккуратно, - повторяла я себе, как заклинание. - Начнем с рубашки». Я расстегнула первую пуговицу, а затем и остальные до самого конца. Потом пуговицу на запястье левого рукава. Потом оттянула рукав, насколько это было возможно. Воротник спустился на одно плечо. Марк очень мало времени проводил на улице и был очень бледен. На фоне красной ткани рубашки его кожа казалась белоснежной, как соль. Я энергично потерла ладони друг о друга, чтобы согреть их, и запустила руку под рубашку. Я мягко доставала худую руку Марка, одновременно стягивая с него рукав и опуская руку на кровать. Когда рукав был почти снят, Марк закричал - очень громко. О господи! Неужели я поранила его?

- Что случилось? - спросила я как можно более спокойным тоном.

- Ноготь, ноготь зацепился за рубашку, - ответил он.

- Ничего, ничего... Дай посмотреть, - я высвободила палец из рубашки.

Про себя я отметила, что нужно не забыть сказать Вере, чтобы подрезала ему ногти.

– Марк, я обязательно должна знать, если что-то не так, но крик – это не очень сексуально. Я знаю, нам нужно быть предельно осторожными с твоим телом, поэтому ты всегда должен говорить, если что-то тебя побеспокоит, но постарайся делать это более спокойным тоном. Помни, что одна из наших основных задач – создать модель твоего общения с будущим партнером, а то, что произошло сейчас, может сильно напугать и отбить всякое желание, – у меня по коже бежали мурашки, и я надеялась, что Марк этого не заметит. – Тебе нужно еще подышать, прежде чем мы продолжим?

К моему удивлению, он отказался. Наконец я сняла рукав с его левой руки и перешла к правой.

Затем пришло время снимать штаны. Левое бедро было приподнято и свернуто на один бок так, что нависала кость и была видна часть левой ягодицы. Он весил семьдесят фунтов и был достаточно легким, чтобы я могла оттянуть вниз резинку штанов и белья, спустив их до колен, не отрывая его от кровати. Я потянула за штанины, и передо мной предстало целиком его хрупкое тело.

– Как ты себя чувствуешь, Марк? Тебе тепло?

– Да, – ответил он тихо.

Пришла моя очередь раздеться. Я сняла блузку и джинсы, расстегнула лифчик, сняла белье и носки и сложила все на кресле. Марк наблюдал.

– Я никогда раньше не видел голый женщины, – произнес он, запинаясь.

Несмотря на худое тело, у Марка были пухлые щеки, которые сейчас покрылись розовым румянцем.

– Именно поэтому я здесь, – подбодрила я его и легла рядом с ним на кровать. – Сильнее всего пациенты начинают нервничать на этой стадии. Для того, чтобы секс приносил удовольствие, очень важно уметь расслабляться, поэтому я сейчас покажу упражнение, которое в этом поможет.

Обычно в этот момент я учила клиента дышать глубоко, с помощью диафрагмы, сосредоточившись исключительно на процессе дыхания: долгий, полный вдох, и сразу же медленный выдох. Еще я говорю пациентам, что нужно почувствовать все свое тело с головы до ног, чтобы избавиться от всякого напряжения. Марк не мог делать глубокие вдохи, но я все же попросила его сосредоточиться на дыхании, даже если оно было затрудненным.

– Закрой глаза и постарайся очистить свое сознание от всего лишнего, думать только о дыхании, – сказала я.

Несколько минут мы лежали рядом друг с другом, закрыв глаза и сконцентрировавшись на вдохах и выдохах. Я перевернулась на бок и прижалась к нему; тепло его тела согревало грудь и бедра. Со своими ста шестьюдесятью сантиметрами роста я казалась самой себе великаном по сравнению с Марком.

– Хорошо справляешься, – сказала я, обхватив его рукой за пояс и немного напрягая мышцы, чтобы не давить на него всем весом своего тела.

На первых занятиях я обычно делаю упражнение, которое называется «тактильный контакт». Я как будто внимательно вчитываюсь в тело пациента. Мои руки исследуют его, начиная с пальцев ног и заканчивая головой, отмечая каждую особенность: оттенок кожи, температуру, веснушки, шрамы, – все то, что делает наше тело уникальным. Упражнение дает пациенту возможность понять, какие части его тела лучше отзываются на прикосновение. И обычно становится открытием, что не только гениталии могут стать источником удовольствия и возбуждения. Например, уже не один пациент говорил мне, что очень чувствительно прикосновение под коленом.

Я объяснила суть упражнения Марку. Он был парализован, но по-прежнему чувствовал свое тело в каждой его точке и мог ощутить, как мои руки двигаются вверх или вниз. Как правило, я исследую тело с обеих сторон, но с Марком мои возможности были ограничены той позой, в которой он вынужден был пребывать. Я попросила его постараться определить то, что он чувствует: обычное состояние, приятные ощущения, чувственное удовольствие или сексуальное удовольствие.

– Есть разница между третьей и четвертой стадией. Чувственное удовольствие не всегда провоцирует сексуальное возбуждение, в отличие от сексуального

удовольствия. Существует только два правила: нужно стараться как можно лучше сконцентрироваться на своих ощущениях и говорить мне, когда эти ощущения станут неприятными. Когда поймешь, что внимание рассеивается, старайся вернуться к своему телу, к той его части, где находятся мои руки.

Я провела рукой по волосам Марка и сказала ему, какие они мягкие и какое удовольствие мне это доставило. Я медленно поднялась и прошла к противоположной части кровати, взяв в руки его ступни. Они были узкими и немного влажными, а ногти на пальцах – чуть длиннее, чем нужно. Про себя я еще раз отметила, что нужно попросить Веру их подстричь. Я осторожно помяла большими пальцами подушечки пальцев, и он слегка ими пошевелил.

– Щекотно?

– Нет, приятно.

Я медленно добралась до лодыжек, и мои пальцы коснулись ног, едва заметно покрытых легкими коричневыми волосами. Я медленно провела ладонями по собственным бедрам и продолжила свой путь. Пенис Марка был уже твердым, мошонка набухла и налилась густым коричневато-красным цветом. Я осторожно взяла пенис в руку и кончиком пальца провела вокруг. Когда я отпустила руку и пальцы уже были на животе Марка, он издал легкий вскрик и кончил. Зажмурившись, он тихонько выругался. Потом сказал: «Извини».

– Не волнуйся, все в порядке, – ответила я.

Очевидно, что Марку необходимо будет научиться продлевать состояние возбуждения. Сейчас было самое время поговорить о цикле сексуальных реакций человека и стадиях полового возбуждения.

– В цикле сексуальных реакций человека четыре стадии. Первая называется «возбуждение», или «набухание», у этой стадии есть физические проявления, эрекция, например. За этим наступает стадия «плато». Это лучшая часть, и это состояние можно научиться продлевать. На этой стадии пенис в состоянии полной эрекции. Можно заметить признаки близкой эякуляции, мышечное напряжение, учащенное сердцебиение. Третья стадия – «оргазм», последняя – «рефрактерный период», когда тело возвращается в состояние до наступления возбуждения.

Чтобы научиться продлевать стадию «плато», Марку нужно было понять, что такое шкала возбуждения.

– Эта шкала показывает, в какой именно фазе «плато» ты находишься. От одного до десяти. Один – начальная фаза возбуждения, десять – оргазм. Сначала может быть трудно определить с точностью, но потом станет легче. Это поможет продлить эрекцию, – объяснила я.

Я взяла из сумки бумажные салфетки и осторожно вытерла его пенис и живот. Упражнение подходило к концу. Я провела руками вверх по животу и груди Марка, большими пальцами я коснулась адамова яблока и левой стороны челюсти, провела по глазу, потом вниз вдоль носа и по подбородку и медленно спустилась вниз, к ступням. Закончив с передней частью его тела, я подошла к изголовью кровати и сделала то же самое с левой частью ягодицы. Мои пальцы ощупали его плечо и руку, а потом вернулись вниз. Я снова опустилась на кровать.

– Ты можешь сказать мне, какие части твоего тела были больше всего чувствительны к прикосновению? – спросила я.

– Мне было очень приятно, когда ты касалась голеней и лица, но, честно говоря, каждое прикосновение возбуждало меня.

Я слышала это не в первый раз. Люди, чья сексуальность не раскрыта полностью, изголодались по прикосновениям; их тело приобрело невероятную чувствительность и отзывается на малейшую ласку. Я понимала, что, когда ощущения потеряют для Марка свою новизну, ему легче будет разобраться в оттенках.

Марк спросил, может ли он поцеловать мою грудь. Я легла на бок и поднесла левую грудь к его губам.

– А теперь с другой стороны, – произнесла я с наигранной серьезностью.

Я наклонилась над ним, чтобы он мог поцеловать правую грудь.

Послышался короткий всхлип, и я поняла, что ему нужен воздух. Я приподнялась на локтях и протянула ему трубку. Он сделал несколько глотков, и улыбка играла на его губах, пока он дышал.

* * *

Три недели спустя, на нашем следующем сеансе, я заметила, что у Марка отросли волосы.

– Я решил их не отрезать из-за того, что ты сказала в прошлый раз.

Тогда я действительно отметила, какие шелковистые у него волосы. Я провела рукой по его голове.

– Так же приятно, как и в прошлый раз, – произнесла я.

Из окна спальни была видна клумба с нарциссами. Бутоны уже начали раскрываться, и я пожалела, что приходится опускать жалюзи.

Марк, казалось, нервничал меньше, чем в первый раз, и, если быть откровенной, я тоже. Задачи, которые стояли перед нами, и проблемы, с которыми предстояло бороться, – все это представало передо мной в более ясном свете. Мне предстояло помочь Марку лишиться девственности и подготовить его к счастливой сексуальной жизни с будущим партнером. Я все еще сомневалась в том, что в положении Марка возможны долгие отношения, но наши занятия могли придать ему уверенности в себе на случай, если такая возможность все же сохраняется.

Мы поговорили немного о нашем последнем сеансе. Марк сказал, что примерно то же самое испытывал перед тем, как поступить в колледж: в голову ему приходили тысячи обстоятельств, мешавших ему сделать это, но он все равно поступил и рад, что решился. Он также рассказал, что пишет автобиографию и собирается написать о нашей совместной работе. Потом объявил, что сегодня хочет попробовать нечто новое.

– Я хочу сделать что-нибудь, что доставит тебе удовольствие.

– Ну что ж, не буду отказываться.

Это естественная потребность – желание пациента доставить мне удовольствие. Большинство не хотят пассивно принимать ласки, они хотят отвечать на них. Как правило, если это не неприятно мне и не мешает нашей работе, я позволяю пациентам касаться меня, если они этого хотят. Если у пациента возникают трудности в общении с партнершей, это может стать прекрасной возможностью построить модель разговора на тему ее предпочтений.

Еще не раздев Марка до конца, я заметила, что он уже возбужден. Когда я снимала штаны, мне пришлось оттянуть резинку, потому что она задевала за его твердый пенис. Я разделась, и, когда собиралась опуститься на постель, Марк выкрикнул: «Боже мой, Боже мой, Боже мой», – и кончил.

Он так сильно покраснел, что, казалось, на щеках распустились два огромных красных мака.

– Все нормально, Марк, правда, – я легла и на несколько минут обвила его руками, чувствуя частый стук его сердца. – Помнишь дыхательные упражнения, которые я показывала тебе в прошлый раз?

Мы закрыли глаза и на несколько мгновений сосредоточились на дыхании. Пульс стал медленнее. Я провела ладонью по руке Марка.

– Ты собирался доставить мне удовольствие, – сказала я.

Марк с усилием улыбнулся, постепенно преодолевая смущение.

– Мне нравятся твои соски. Тебе бы хотелось, чтобы я их облизал?

По правде говоря, мне очень это нравилось, но я предпочла покетничать немного, своим молчанием доказывая обратное. Меня пугало, что Марк перестанет дышать на несколько секунд. В моей голове вспыхнул газетный заголовок: «Задушен грудью». Я бросила взгляд на респиратор и трубку, которая лежала в нескольких дюймах от его рта. Я могу это сделать. Я это сделаю!

– Мне бы очень этого хотелось, – произнесла я.

Я перекинула руку через его миниатюрное тело и прижала ладони к подушке по обеим сторонам его головы. Чтобы опустить грудь поочередно к его рту, мне пришлось сделать движение, напоминавшее отжимание. Я перенесла вес на левую руку и подняла правую, чтобы убедиться, что смогу быстро дотянуться до дыхательной трубки.

- Есть вещи и похуже, от которых я мог бы задохнуться, - сказал Марк.

Я медленно согнула руки и вывернула бедро влево, чтобы опустить правый сосок к его губам. Марк обхватил его влажным ртом и втянул в себя.

- Это очень приятно.

Через несколько секунд я отняла сосок от его губ, чтобы узнать, не нужен ли ему воздух.

- Нет, мне нужен твой сосок.

На этот раз я наклонила к нему левую грудь, и он жадно в нее впился. Я ни разу не видела, чтобы он с таким же удовольствием вдыхал кислород.

Когда я снова отняла грудь, Марк спросил, могу ли я коснуться области за яичками. Я протянула руку и спросила, какую точно зону он имеет в виду. Когда я положила палец на промежность, полоску кожи между мошонкой и анусом, он сказал: «Вот здесь». Я легко потерла, и Марк произнес: «Сильнее». Я надавила сильнее, и он застонал от удовольствия.

Я положила голову в ложбинку между его щекой и левым плечом, и он спросил, можем ли мы заняться сексом. Я попросила его прислушаться к своему дыханию, достала из сумочки презерватив и быстро надела его. Я перекинула через него ноги и опустилась вниз так, что его пенис касался моего лобка. Прежде чем я смогла ввести его пенис, он кончил.

- Все в порядке, все в порядке, - повторяла я.

Марк закрыл глаза и сжал губы. Его щеки приобрели розоватый оттенок.

– Все в порядке, – снова произнесла я.

Я взъерошила ему волосы, и он с улыбкой открыл глаза. Белки закатились, лицо приобрело мечтательное выражение; я уже знала, что это обычное его состояние после оргазма.

Я всегда стараюсь не отвлекаться, когда работаю с пациентом, но в тот день я заметила, что слишком нервничаю при мысли о следующем, третьем сеансе. На третий сеанс я обычно всегда оставляю упражнение с зеркалом. Это одно из самых важных упражнений. Пациент, стоя перед зеркалом в полный рост, рассказывает, как он воспринимает свое тело. Мы тихо лежали рядом друг с другом, и я обдумывала, как объяснить это Марку. Я не знала, как он отреагирует. Был ли он готов к этому? Я уже собиралась начать, как вдруг он спросил, знаю ли я восемнадцатый сонет Шекспира.

– Я читала его очень давно, еще в школе, – ответила я.

– Я выучил его, чтобы прочитать тебе, – сказал он. – Сравню ли с летним днем твои черты?[3 - Перевод С. Маршака.] – начал он. – Немного воздуха, – попросил Марк после первой строки.

Я поднесла трубку к его губам, и кислород наполнил его легкие. Он разомкнул губы, и я убрала трубку.

– Но ты милей, умеренней и краше. / Ломает буря майские цветы, / И так недолговечно лето наше!..

Пациенты часто старались выразить мне свою благодарность, но никто не читал мне любовных стихов, переживших столетия. Я прижалась к нему и осознала, как сильно хочу, чтобы Марк нашел девушку, которой мог бы вот так, лежа бок о бок, читать это стихотворение.

Работа суррогатного партнера размывает границу между понятиями. Секс, даже в качестве терапии, неизбежно влечет за собой чувство привязанности. В начале своей карьеры я сомневалась, хватит ли у меня профессионализма, чтобы поддерживать дистанцию, одновременно создавая атмосферу близости, необходимую для достижения результата. Балансировать на грани непросто, я беспокоилась, не возникнет ли у пациента слишком серьезной привязанности по

отношению ко мне, ведь наша главная задача – помочь ему построить здоровые отношения в «реальном» мире. Если бы мы встретились раньше, когда я только начинала работать, мне бы казалось, что чувства Марка ко мне слишком сильны. Но за тринадцать лет работы я уже видела достаточно, чтобы понять, что выражение привязанности – это, как правило, не больше, чем желание продемонстрировать искреннюю благодарность.

– И смертная тебя не скроет тень / Ты будешь вечно жить в строках поэта / Среди живых ты будешь до тех пор / Доколе дышит грудь и видит взор, – закончил Марк.

– Марк, это было прекрасно. Я хочу, чтобы ты знал, как я рада, что мы познакомились и что нам довелось работать вместе.

Я провела пальцем вдоль его бедра и вниз по ноге. Я ощущала возбуждение, какого еще не испытывала за все время, что мы были вместе. Я уже не в первый раз чувствовала сексуальное влечение к пациенту. Это не значит, тем не менее, что в других случаях мне приходится принуждать себя или возбуждаться другими способами. Работа суррогатного партнера ориентирована только на клиента, ведь все, что мы делаем, – это в первую очередь способ решить его проблему.

Одновременно с возбуждением я чувствовала грусть. Марк – очень тонко чувствующий человек и способен быть нежным любовником. Меня угнетала мысль о том, что, возможно, ему никогда не представится возможность им стать. Мне хотелось коснуться его, продемонстрировать свою нежность, но я знала, что нужно поговорить об упражнении с зеркалом.

Учитывая, как болезнь исказила его тело, я не была уверена, видел ли он когда-нибудь свои гениталии, будучи уже взрослым человеком. Мысль о том, как он может на это отреагировать, тревожила меня, но я по-прежнему была уверена, что это важно – дать ему увидеть свое тело целиком.

– Я бы хотела обсудить наш следующий сеанс, – начала я. – Я принесу зеркало, чтобы ты смог увидеть свое тело в полный рост. Как тебе такая идея?

Марк поколебался. Я уже научилась распознавать сигналы, которые подавало его тело, и почувствовала, как потеплела его кожа, согревая мою. По вполне

понятным причинам для него это был непростой вопрос.

- Не знаю. Мне любопытно, но я боюсь того, что могу увидеть.

- Что тебя пугает?

- Я никогда раньше не видел свой член, - ответил он. - Что, если он тоже деформирован?

- С твоим пенисом все в порядке, Марк. Ты сам это увидишь.

Меня беспокоило не то, как он воспримет свой пенис, - ему предстояло увидеть свое тело. Станет ли для него потрясением вид собственного обнаженного тела, искаженного последствиями полиомиелита?

Я взяла его лицо ладонями и поцеловала в лоб. Марк разомкнул губы, и его кадык заходил вверх и вниз. Ему нужен был воздух. Я повернула рычаг на респираторе и поднесла шланг ко рту. Он сделал несколько глубоких вдохов из непрозрачной гофрированной трубки.

- Спасибо, Шерил, - произнес он, когда я отняла трубку.

По дороге домой тем вечером моя тревога по поводу следующего сеанса начала рассеиваться. Как и у многих других инвалидов, с которыми я работала, в нем сильны были мужество и воля к жизни. Он мог выдержать испытание, увидеть свое тело. Возможно даже, все окажется не так серьезно, как он того ожидает. Помимо католического воспитания и происхождения меня и Марка объединяло еще кое-что: я тоже ни разу не видела своих гениталий, пока не стала взрослой.

* * *

На заре семидесятых годов я жила в Сан-Франциско и так же, как и многие другие в это время, подвергала сомнению все, чему меня учили раньше. Я записалась на курсы мастурбации, которые вела великолепная Бетти Энн Додсон, доктор наук (или доктор Бэд, как мы ласково называла ее иногда), автор совершенно революционной книги «Освобождение мастурбацией: размышления о любви к самому себе» (позже книга стала называться «Секс для одного») и

книги «Оргазм для двоих».

Занятие началось с того, что мы отправились в магазин. Бетти отвела группу из двадцати женщин в продуктовый отдел, где каждая выбрала себе по цуккини. Потом мы вернулись в комнату для занятий, полную пухлых подушек. Бетти принесла с собой маленькое зеркало, и мы по очереди, опираясь на подушки, разглядывали свои гениталии. Бетти предлагала изучить влагалища остальных. У нее был фонарик, чтобы было лучше видно, и когда понадобился доброволец, чтобы держать его, я подняла руку. Я и представить раньше не могла, что у меня будет шанс увидеть гениталии такого количества разных женщин, поэтому сразу ухватилась за предоставленную возможность. Когда кто-нибудь соглашался показать всему классу свое влагалище, я направляла фонарик, чтобы всем было хорошо видно. Оказалось, что никто не хочет остаться в стороне, и все двадцать женщин с готовностью продемонстрировали остальным свои гениталии. Для многих стало открытием то, как красиво на самом деле женское влагалище, они с удивлением отмечали сходства и различия между собой и остальными. Под общий смех мы обсуждали, какого размера цуккини выбрала каждая из нас и как это свидетельствует о наших предпочтениях. Затем последовала дискуссия о том, как женщины мастурбируют. Некоторые пользовались вибратором или резиновым пенисом, другие не использовали ничего, кроме своих рук. Некоторых меньше беспокоил размер того, что проникает во влагалище, и больше удовольствия доставляли прикосновения. Я хорошо запомнила восторженную и радостную атмосферу, которая воцарилась в комнате. Столько женщин, которым внезапно открылась красота их гениталий, – этого мне никогда не забыть.

Во время упражнения с зеркалом я иногда замечаю у пациентов реакцию, схожую с той, что была у учениц Бетти. Это одна из причин, по которой это упражнение кажется мне таким важным, – оно открывает им глаза на многие вещи. Некоторые впервые обращают внимательный взгляд на свое тело. Я надеялась, что Марк хотя бы в некоторой степени почувствует то, что я чувствовала в тот день на первом занятии у Бетти.

* * *

На время третьего сеанса мы не смогли воспользоваться коттеджем, в котором проводили занятия раньше, поэтому в этот раз Марк попросил разрешения у друзей воспользоваться другим домом.

Дикси, вторая помощница Марка, открыла мне дверь и указала в глубь квартиры. Она заметила зеркало, которое не помещалось целиком в сумку. Она запнулась на мгновение, как будто собираясь задать вопрос, но затем только смущенно улыбнулась и сказала: «Через кухню направо». Квартира была маленькой, на стенах облупилась краска. Кухонный стол был покрыт тем же зеленым линолеумом, что и пол. Когда я шла через кухню в заднюю комнату, где меня ждал Марк, мои ботинки приклеились к чему-то, и с каждым шагом мне приходилось с усилием отрывать их от пола.

Я постучала в тяжелую дубовую дверь спальни.

– Марк, это я, Шерил, – сказала я, затем медленно открыла дверь и вошла.

На этот раз матрас лежал на полу. В углу комнаты стоял стол, заваленный бумагами. Ноги Марка выглядывали из-под синего пледа. На них были белоснежные, как яичная скорлупа, носки. Я подумала о том, что эти ноги никогда не касаются земли, и почувствовала укол совести. Из большого окна, которое выходило на кампус Калифорнийского университета, струился свет, и в солнечных лучах плясали пылинки. Марк улыбнулся.

– Я рад тебя видеть, Шерил. – И добавил, прежде чем я успела ответить: – Ты принесла зеркало.

Я присела к нему на матрас и поцеловала в губы. Когда поднимала голову, мои длинные каштановые волосы скользнули по его груди.

– Принесла. Немного попозже приступим к упражнению, о котором я говорила в прошлый раз, хорошо?

Я спросила Марка, что он делал эти три недели, которые прошли с нашего последнего занятия. Написание статей отнимало у него довольно много времени, и он как раз подписал контракт с местной газетой на статью о правах инвалидов. Он с нетерпением ждал сегодняшнего дня. Ему начало казаться, что он сможет заниматься сексом и получать от этого удовольствие как «нормальный» человек. Более того, он смог доставить удовольствие мне. Человеку в положении Марка, сексуальные потребности которого воспринимались в лучшем случае как неудобство, это должно было придать невероятную уверенность. Как и большинству из нас, Марку хотелось верить, что

он может доставить кому-то удовольствие в постели.

Я раздела его и разделась сама. Как обычно, Марк лежал с левого края кровати. Его голова всегда была повернута вправо, поэтому только в таком положении он мог видеть меня, когда я лежала рядом с ним. Я села на правый край матраса и закинула на него ноги. Потом перекадилась на бок и прижалась к нему. Его пенис уже был возбужден. Я поцеловала его в лоб.

- Ты уже дольше можешь находиться в стадии «плато». Это успех, - я ласково провела рукой по его лицу и груди. Я поцеловала его в губы и опустила руку, чтобы коснуться его промежности и мошонки. Я чувствовала, что мошонка приподнялась, и знала, что это было знаком приближающегося оргазма. Я отняла руку и попросила его определить свое состояние по шкале возбуждения.

- Попробуй определить, где ты находишься. От одного до десяти.

Ему казалось, что его состояние близко к семи. Тогда я попросила его сделать дыхательное упражнение, которому я его научила. Я положила руку на его бедро и провела пальцами по направлению к пенису. Сдавленный звук превратился в стон, и он кончил.

- Я хотел, чтобы это случилось позже, - удрученно сказал Марк.

- Все в порядке. Помнишь, что случилось в прошлый раз? У тебя может быть еще один оргазм.

- Я хотел сегодня заняться сексом.

- Посмотрим, удастся ли нам это сделать.

Я медленно провела руками вверх и вниз вдоль его тела. Взяла его лицо в свои ладони и поцеловала в нос и в губы. Затем встала над ним, опираясь коленями по обеим сторонам его тела, чтобы он мог дотянуться до моих груди. Он облизал их, проводя языком вокруг сосков. Я взяла его ладонь и, сложив пальцы в кулак, осторожно провела костяшками его пальцев по своему клитору.

– Мне это очень нравится, – сказала я и попросила его помнить, что некоторым женщинам это может не доставлять такого удовольствия, поэтому важно не настаивать и спрашивать, хочет ли она продолжения.

Пенис Марка напрягся во второй раз, и я быстро надела на него презерватив.

– Я введу только кончик, и посмотрим, что произойдет.

Я взяла его пенис в руку и ввела головку в свое влагалище, попросив его оценивать уровень возбуждения. Сначала я не двигалась, а затем опустилась вниз. Примерно через минуту наступил оргазм.

– Ты кончила? – спросил меня Марк, и на его лице появилось разочарованное выражение, когда я ответила отрицательно, сразу же заверив, что мы попробуем еще раз.

– Тебе понравилось?

– Кажется, да. Все произошло так быстро.

– Быстро, но ты был внутри меня. Это большой шаг вперед, Марк.

Он улыбнулся и закрыл глаза, как будто погрузившись в дымку глубоких размышлений. Это всегда наступало после оргазма. Через некоторое время он вернулся ко мне, и я спросила, готов ли он увидеть себя в зеркале. Марк впервые должен был увидеть свои гениталии, будучи взрослым человеком.

Я установила зеркало горизонтально на дальнем конце кровати и стояла, придерживая кончиками пальцев раму в три фута длиной. Я медленно отодвигала его назад, чтобы Марк увидел себя целиком. Несколько секунд он не произносил ни слова, внимательно разглядывая свое тело сверху вниз.

– Ну как тебе? – спросила я.

– Не так уж плохо. Мне казалось, что будет хуже.

Я почувствовала огромное облегчение. В работе суррогатного партнера победы невелики и приходят постепенно. Возможно, это звучит как незначительное достижение, но для Марка это означало большой прогресс. Он мог поддерживать состояние эрекции немного дольше и не боялся теперь самого себя и собственного тела. Даже несмотря на то, что руки его не могли двигаться без моей помощи, он научился действовать губами и языком, доставляя мне удовольствие. Этот процесс начался, когда он впервые коснулся моей груди на первом сеансе, и сейчас он продвинулся значительно дальше. Если повезет, это пригодится ему в отношениях с будущей партнершей.

Три недели спустя, в жаркий июльский день, я пришла к Марку, чтобы провести наш последний сеанс. Дикси крикнула «Войдите!», когда я постучала в дверь, и провела меня в другую спальню, где в одном углу кучей была сложена одежда, а в другом стоял письменный стол с лампой, сделанной под Тиффани, которая светилась янтарным светом.

– Ты опять принесла с собой зеркало, – сказал Марк, когда я вошла в последнюю из череды спален, которые он находил для наших занятий.

– Я хочу, чтобы ты увидел свой пенис в состоянии эрекции.

Я раздела Марка и разделась сама. Пенис Марка был почти твердым, и я снова установила зеркало на краю кровати, чтобы он увидел его.

Когда он дал мне понять, что закончил осмотр, я забралась на кровать.

– Что ты чувствуешь на этот раз? – спросила я.

– Я думаю, он очень даже ничего, – ответил Марк с улыбкой.

Я подержала его пенис в руках несколько минут, и он спросил, может ли он поцеловать мое влагалище. Я наклонилась над его ртом. Он осторожно поцеловал, запустил внутрь язык. Он лизал мои малые губы и проникал языком еще глубже, быстро доставая его, касаясь губами. Он поцеловал клитор. Прекрасное ощущение. Несколько секунд спустя я отстранилась и поднесла к его рту дыхательную трубку. Я была возбуждена. Когда Марк показал, что ему хватает воздуха, я положила трубку обратно на респиратор. Потом прижалась к нему и обвила его бедро ногой, чувствуя, как пенис упирается мне в ляжку.

Я надела презерватив и, проведя пальцем по головке, легко сжала пенис рукой. Я перекинула через него ногу, чтобы пенис оказался внутри меня, и начала двигаться, раскачиваясь. Я почувствовала, как влагалище начинает набухать. Я вместе с ним достигла высокой точки возбуждения. Я замедлила движения, чтобы продлить стадию «плато» для нас обоих. Я делала вдохи и выдохи, но затем остановилась, чтобы спросить Марка, как он оценивает уровень своего возбуждения.

– Около восьми, – ответил он.

Я лежала, не двигаясь, еще минуту, потом приподнялась, чтобы пенис наполовину вышел из моего влагалища, после чего опустилась вниз и снова поднялась вверх. Марк кончил. Его возбуждение длилось дольше, чем в любой из наших предыдущих занятий. Даже после оргазма его пенис был еще достаточно твердым, чтобы я могла сделать еще одно движение вверх и вниз и кончить сама.

Он почти сразу же спросил, был ли у меня оргазм. Когда я ответила, что был, он просиял.

– Тебе нужен кислород? – спросила я.

– Нет, правда, не нужен, – сказал он. – Если бы мог, я бы выдал это за дыхательную терапию, и платить пришлось бы страховой компании.

Мы вместе засмеялись.

Из-за полиомиелита грудь Марка была деформирована. Она была приподнята, и на ней почти не было волос. Я наклонилась и нежно поцеловала ее. Послышался всхлип, и я потянулась за трубкой респиратора.

– Нет, – выдохнул он. Я поняла, что он плачет. – Никто никогда раньше не целовал меня в грудь, – сказал он. На этот раз мои глаза наполнились слезами. – Как раз вовремя.

* * *

Марк периодически связывался со мной в течение нескольких лет после нашей последней встречи, и я была очень рада, когда в 1994 году, через восемь лет после наших совместных занятий, он позвонил и сказал, что встретил девушку. Сьюзан впервые узнала о Марке, прочитав в Интернете его стихи. Они произвели на нее такое впечатление, что она написала ему. Завязалась переписка, и вскоре виртуальные отношения переросли в реальные. Марк был счастлив от того, что его страх никогда не встретить нужного человека не оправдался и он вступал в эти отношения, уже обладая некоторым опытом. «Благодаря тебе мне не пришлось говорить, что я все еще девственник», – сказал он.

Глава 2

Грех под одеялом

Моя профессия подарила мне достаточно разных историй, чтобы написать эту книгу и множество других. Героями некоторых из них становятся такие люди, как Марк, которым приходится сталкиваться с различными трудностями в необычных обстоятельствах. Но большинству все же приходится решать более насущные проблемы. Речь идет, например, об импотенции или преждевременной эякуляции. Когда я отбрасываю в сторону особенности и странности характера, почти всегда оказывается, что трудности, с которыми приходится бороться, едва ли окажутся в новинку многим из нас. Одиночество, тревога, страх, чувство вины или стыд, низкая самооценка, неудачная фигура или незнание особенностей своего тела – это только некоторые проблемы, с которыми я сталкиваюсь каждый день.

Я стала суррогатным партнером почти четыре десятилетия назад, и за это время мне довелось работать с сотнями разных людей. Я считаю невероятной удачей для себя, что мне удалось приобрести профессию, благодаря которой я могу с уверенностью сказать, что меняю жизнь людей к лучшему. Мой путь был долг и богат событиями. Меня часто спрашивают, когда он начался, и я отвечаю – 1973 год, Сан-Франциско, но это верно только отчасти. На самом деле все началось почти на двадцать лет раньше, в трех тысячах миль к востоку от Калифорнии.

Город Сэйлем в штате Массачусетс расположен в шестнадцати милях севернее Бостона на берегу океана. Полуостров Сэйлем Нэк и остров Винтер, с которым он

соединен дамбой, протягиваются в океан, как два указующих перста. Я родилась в 1944 году, когда Сэйлем почти целиком занимали разные этнические общины. Поляки, ирландцы, итальянцы, канадцы – потомки эмигрантов, приехавших в XIX веке работать на текстильных фабриках.

Моя семья проделала долгий путь из Франции в Канаду и дальше, в Массачусетс, сохранив свой язык и свои привычки. К счастью, сохранили они и старинные рецепты. Моя прапрабабушка со стороны отца великолепно готовила. Когда мы приезжали к ней в гости, рот наполнялся слюной, как только мы переступали порог дома, наполненного ароматами французской еды. Лучше всего ей удавались пироги с мясом или рыбой, запеканка из теста, мяса и овощей, кретоны, жаркое из свинины и говядина по-бургундски.

Сэйлем – место, где сохраняется тесная связь с прошлым, которое постоянно напоминает о себе. Речь идет о судах над ведьмами. «Дом ведьм», дом судьи Джонатана Корвина, который был одним из тех, кто проводил первые процессы над ведьмами в конце XVII века, по-прежнему мрачно возвышается на углу Норт-стрит и Эссекс-стрит. Гэлоуз Хилл, где массовая истерия и религиозный фундаментализм привели к повешению двадцати невинных женщин, находится недалеко от того места, где я выросла. Сегодня город зарабатывает на этом благодаря пристрастию туристов к дешевым атрибутам искусства черной магии, но во времена моего детства ведьмы были не просто маркетинговым ходом накануне Хэллоуина. В моем детском сознании они были реальны. Они служили в качестве средства запугивания, чтобы ребенок следовал по пути, предначертанном Богом или, по крайней мере, церковью.

Я была первым ребенком в семье Вирджинии и Роберта Террио. Почти два года спустя ко мне присоединился мой брат Дэвид, еще через восемь лет – брат Питер. Заработка моего отца на телефонной и телеграфной компании Новой Англии хватало, чтобы моя мать полностью могла посвятить себя домашнему хозяйству. Он начинал, продавая рекламу телефонным справочникам, и позже стал управляющим. В отличие от большинства своих коллег, мой отец не закончил колледж. Зато у него были таланты – он хорошо рисовал и умел трепать языком. Это помогало ему успешно продавать. Расписывая клиентам выгоды размещения рекламы их товара, он рисовал перед их мысленным взором картину будущего объявления и одновременно набрасывал эскиз в альбоме, который всегда носил с собой.

В большинстве своем члены моей семьи были трудолюбивыми, достойными уважения людьми. Многие из них были щедры и великодушны, и почти все – жизнелюбивые, веселые, любили большие семейные обеды, музыку, танцы, с удовольствием шутили и рассказывали истории.

Самым близким человеком в семье для меня была бабушка Фурнье, мать моего отца. Она была остроумной, доброй и души во мне не чаяла. Первое воспоминание моего детства: я выпрыгиваю из коляски, чтобы броситься с разбега в ее распахнутые объятия. У нее был потрясающий вкус, и когда я выросла, то обнаружила, что никто больше из моих сверстниц не мог похвастаться бабушкой, модным советам которой можно было с уверенностью следовать.

Несмотря на все свои достоинства, члены моей семьи были людьми своего времени. Они были взращены в рамках строгой католической морали и дофеминистских представлений о роли женщины – ее задача состояла в том, чтобы быть хорошенькой, найти крепко стоящего на ногах мужа и стать преданной женой и матерью, обеспечивая своей семье уют и покой. Моя мать очень серьезно относилась к этой задаче. Безупречно опрятная, стройная, с идеальной прической и, если быть честной, помешавшаяся на внешнем виде, она никогда не позволяла себе выглядеть непривлекательно. Она вела хозяйство с непогрешимой аккуратностью и всегда жаловалась на то, что ее усилия не встречают должного признания со стороны остальных. Она была великолепной домохозяйкой, но я не думаю, что эта роль доставляла ей большое удовольствие. Она постоянно злилась, и, оглядываясь назад, я теперь уже легко могу понять почему. Она была лучшей выпускницей в своем классе, была способной и умной женщиной и втайне желала большего, чувствовала глубокую неудовлетворенность бесконечным кругом домашних обязанностей. Но в то время я не могла этого знать и видела только, что мама неизменно была чем-нибудь недовольна, каким бы совершенством ни казались со стороны она сама и ее дом. «Вы и не заметили, наверное...» – говорила она раздраженно, натерев полы или выстирав занавески, то есть каждый раз, когда занималась неблагодарным домашним трудом.

Что касается секса, то религиозное воспитание и общественное мнение создали некий негласный код, и ореол молчания и тайны можно было нарушить, только чтобы подвергнуть суровому осуждению женщин (чаще всего это были женщины), которые преступили приличия. Однажды моя мать упомянула об одной женщине из нашего города, ее бывшей однокласснице, которую назвала

«распущенной». Она сказала это таким тоном, что я сразу же представила себе, как плохо быть распущенной. Я не до конца понимала, что значило это слово, но была уверена в том, что не хочу быть отнесенной к этой категории женщин.

Моя мать не могла даже произнести слово «влагалище», а тем более беседовать о том, что туда входило. В ее устах это называлось «hoosie», и только в тех случаях, когда данного упоминания совершенно нельзя было избежать. Проблему полового воспитания или того, что под этим подразумевалось в то время, они возлагали на плечи монахинь и преподавателей в начальной Школе непорочного зачатия Девы Марии, куда я поступила, когда мне исполнилось пять лет.

* * *

Во втором классе нас начали готовить к первому причастию и первой исповеди. Катехизис наставлял нас в том, что хорошо и что свято. Иногда меня охватывал страх при одном лишь взгляде на священную книгу с расплывчатым изображением Христа, грустным, благожелательным взором смотревшим на свою греховную паству с обложки.

Мы выучили разницу между смертными грехами и грехами простительными, и тогда же я получила примерное представление о том, что такое моральное падение. Нас учили, что трогать «там внизу» – это один из самых страшных грехов. Для Бога это было особенно оскорбительно, и тот, кто развращал таким образом свое тело и душу, рисковал быть осужденным на вечные муки. Это утверждение пробуждало тысячи ужасных предположений. Что, если потрогаешь там внизу, а потом умрешь, не успев исповедаться? Конечно, отправишься прямиком в ад. Я клялась никогда не касаться себя непристойным способом. Я сохраню чистоту своей души, даже когда придется столкнуться с мирскими соблазнами.

Вскоре после того, как я пошла в школу, оказалось, что процесс моего обучения должен был происходить каким-то другим способом. Гораздо позже, когда я выросла и у меня уже было двое детей, мне поставили диагноз – дислексия. Но в то время трудности, с которыми я сталкивалась при обучении чтению, письму и математике, принимали за проявления дерзости, лени или просто тупость.

Моим одноклассникам, казалось, не доставляло никакого труда складывать вместе звуки, превращать их в слова и предложения. Меня же приводили в замешательство слова, состоящие из одного слога, как «дом» или «стол».

Моя мать взялась помочь мне научиться читать. Она сразу же заказала серию книг «Дик и Джейн», и мы регулярно после школы занимались чтением. Каждый день мы садились на кухне, и я пыталась прочитать очередной рассказ о приключениях Дика, Джейн и их собаки Спот. Моя мать была осведомлена о существовании такого заболевания, как дислексия, не больше моих школьных учителей, а терпеливой была гораздо реже, чем некоторые из них. Не знаю, казалось ли ей, что это будет способствовать моему скорейшему обучению, или она просто была сильно разочарована результатом, а может быть, думала, что я сознательно не хочу постигать самые простые вещи, но она прибегала к физическим наказаниям.

Вечера с моей мамой с пугающей предсказуемостью всегда заканчивались одинаково. Она просила меня прочитать слово, я читала его неправильно. «Произнеси как следует», – приказывала она и, когда мне не удавалось этого сделать, так сильно сжимала мою руку, что иногда я вскрикивала от боли. Однажды ее привело в такую ярость, что я три раза неправильно прочитала слово «мог», что она выдернула меня со стула за руку и швырнула обратно на стул. Я начинала так сильно нервничать, что слова на странице как будто стирались в тот момент, когда я пыталась их прочесть, это сводило все мои старания на нет и еще больше усиливало ярость моей матери.

Мне было совершенно непонятно, и я не могла признать этого еще долгие годы, как моя мать в то же время могла быть и очень сострадательной женщиной. С нами по соседству жила умственно неполноценная женщина – Грета. Я видела, что мама добра и ласкова с ней. Она настаивала, чтобы окружающие относились к ней с должным уважением. Моя мама была ласкова не только с Гретой. Ее считали доброй соседкой, которая с готовностью окажет помощь, если понадобится. Почему она не могла проявить такое же участие ко мне? Может быть, она видела во мне какие-то дурные стороны? Я сделала вывод: меня, видимо, в принципе невозможно полюбить и я нуждаюсь в ином обращении. Но проблема состояла в том, что, как бы сильно я ни старалась, мне, по-видимому, не удавалось стать лучше.

Я была, кажется, в третьем классе, когда пришла к заключению, что у меня есть некоторые особенности, которые нужно скрывать. Я убедила себя в том, что

была, как тогда говорили, «отсталой». Просто это не проявлялось в такой степени, как у Греты. Нужно было держать это в секрете, иначе мне бы не позволили учиться в одном классе с моими друзьями – если бы, конечно, они еще остались моими друзьями, узнай они о моих особенностях. Я бы стала изгоем общества и позором семьи. Бабушка Фурнье, наверное, заступилась бы за меня, но я бы никогда не рассказала ей. Она, возможно, даже продолжала бы меня любить, но каким разочарованием станет для нее это открытие! И уж точно никто не взял бы меня замуж, если бы это выплыло наружу. С одной стороны, я думала, что мне повезло – моя отсталость не так бросается в глаза. С другой стороны, мне казалось, что лучше бы бросалась. Тогда, по крайней мере, люди не питали бы таких надежд в отношении меня и я бы не могла их разочаровать.

В конце каждого школьного года я трепетала от страха, что меня оставят на второй год. К моему облегчению, такого никогда не происходило. Каждый год мне удавалось проскочить. Возможно, эта черта как бы компенсировала мои академические неудачи, но скоро оказалось, что я могу быть душой компании и остроумно шутить. Я могла болтать с кем угодно, я обожала разговоры. По характеру я была оптимистом и прирожденным лидером, по крайней мере, в детских играх. Я быстро поняла, что мои шутки всем нравятся, что у меня талант к общению с людьми, что я умею увлекательно рассказывать истории. Я могла воспроизводить сцены из фильмов, целые диалоги голосом Натали Вуд, Тони Кертиса или других популярных в то время актеров. Я смешила своих одноклассников, и они любили меня за это.

* * *

В средних классах мне не всегда удавалось справляться с учебой, и друзья начали помогать мне, чтобы я не отставала от класса. Обычно перед началом занятий мы собирались в «Кондитерской Марты», на соседней улице со школой Девы Марии. У Марты торговали содовой и играли самый модный и крутой в то время рок-н-ролл. Элвис, Бидди Холли, Билл Хейли и «Кометс», Биг Боппер – мы с друзьями сидели со стаканами «Лайм Рики» и млели под их песни, поедая маффины с маслом и джемом. Мы с моей верной подругой Лизой крутились на высоких барных стульях, и одновременно она внимательно проверяла мое домашнее задание, вставляя правильные ответы.

К несчастью для меня, наши подпольные утренние занятия не продлились дольше первых месяцев восьмого класса. Однажды прохладным утром, когда мы

с Лизой сидели под «Chantilly Lace», склонившись над моей домашней работой по математике, я сделала оборот на своем стуле и увидела две темные фигуры, приближающиеся к двери. Рясы их вились вокруг, как клубы темного дыма. Они подошли ближе. Ошибиться было невозможно – сестра Агнеса Женевьева, учительница восьмых классов, и сестра Элис, мать-настоятельница. Они каким-то образом узнали об утреннем списывании у Марты и в тот же день положили ему конец. Я не была уверена, справлюсь ли теперь с выпускными экзаменами, но вмешательство сестер отчасти принесло мне облегчение. В конце концов, списывать – это грех, хотя тогда я, наверное, могла его себе позволить, ведь на моей душе уже лежал самый тяжкий грех, королева грехов – мастурбация.

Поскольку должно было пройти еще много времени, прежде чем понятие самооценки утвердилось в массовой культуре и хорошие учителя начали прилагать усилия к тому, чтобы ее ненароком не занизить, большинство моих ночей начиналось с приступа тревоги по поводу унижения, которое мог принести мне завтрашний день. Я не могла заснуть. К несчастью, средство, приносящее облегчение, считалось смертным грехом.

Я начала мастурбировать, когда мне было около десяти лет, и научилась достигать оргазма почти каждую ночь. Это было единственное, что помогало мне расслабиться и заснуть. Ночью меня охватывала тревога, утром – чувство вины. Я пришла к убеждению, что любая боль, любой ушиб или рана – это Божье наказание. Позже мне приходилось проводить дни в постели из-за менструальных болей. Это я тоже считала проявлением божественного суда. Он повсюду преследовал меня своим яростным взглядом. Иногда я представляла, как ангел-хранитель отворачивается с отвращением, пока я, мастурбируя, двигаюсь вверх и вниз в кровати.

Я разочаровала Бога и ангела-хранителя. Не говоря уже о моей матери. Однажды вечером она застала меня за мастурбацией и закричала, стоя в дверях моей спальни: «Сейчас же вынь руки из-под одеяла!»

Священники на исповеди были возмущены ничуть не меньше. Каждое воскресное утро, пока я повторяла «Отче наш» и «Аве Марию», молитвы, которые должны были уберечь меня от греха, который я каждый вечер совершала под одеялом, я вновь и вновь давала обет противостоять искушению. Исповедники давали мне понять, что на мне лежал особенно тяжкий грех, что я не больше и не меньше, как подвожу самого Иисуса Христа, не желая ему противостоять. Я была им отвратительна, я их разочаровала. Но вскоре я

предоставила им еще больше поводов для разочарования.

Глава 3

Непримиримые противоречия: Брайан

У отца Денниса был глубокий баритон, и казалось, что этим голосом вещает сам Бог. В самом звуке его громогласных сентенций под сводами исповедадьни было столько обличения и одновременно надежды на спасение, что мой собственный голос дрожал, пока я перечисляла свои грехи, список которых неизбежно включал в себя мастурбацию. Но с тех пор прошло много лет. Это было частью детства, прошедшего под надзором Бога, который был в равной степени всевидящим и мстительным. Бог, в которого в 1976 году я уже не верила. Но в моих ушах по-прежнему звучал голос отца Денниса, когда я слушала Брайана, пациента, который осенью обратился ко мне.

К тому времени я уже три года была суррогатным партнером, одной из примерно ста людей, занимающихся этим. Сейчас специально обученных суррогатных партнеров в Соединенных Штатах немного. Международная ассоциация суррогатных партнеров утверждает, что таких людей в стране около пятидесяти. Даже в конце семидесятых, когда это число было значительно выше, нас, по моей оценке, было не больше двухсот. Большинство из них жили и практиковали на побережье.

Мы с Брайаном встретились в квартире с одной спальней, которую я превратила в свой офис. В гостиной я проводила консультации, в спальне – физическую часть работы с клиентами. Обставляя квартиру, я позаботилась о том, чтобы люди чувствовали себя свободно и комфортно: мягкие кресла, стены, покрашенные в светлый персиковый цвет. На стол я всегда ставила свежие цветы и что-нибудь поесть. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы клиент чувствовал себя как в больнице.

Брайану было тридцать два года, его проблема заключалась в том, что ему трудно было достигать и поддерживать эрекцию. Его пенис становился твердым на несколько минут, а затем снова расслаблялся. Он боролся с этим уже два года, с тех пор, как его брак закончился разводом, и причины этой проблемы

было нетрудно угадать. Сесилия, теперь уже бывшая жена Брайана, была верующей католичкой и развелась с ним, застав его однажды мастурбирующим в ванной. Мне показалось интересным, что она предпочла преступить законы католической веры, запрещающие развод, не сделав такого же исключения для мастурбации. Я не была знакома с Сесилией, но представляла себе, в каком смятении она пребывала, оказавшись перед необходимостью выбрать из двух грехов тот, что не нанесет вреда ее религиозному чувству и бессмертной душе. Было очевидно, какое зло в этой непростой ситуации покажется ей меньшим.

Брайан был невысоким коренастым человеком. У него был свой магазин автомобильных товаров, и он упорно трудился, чтобы превратить его в успешное предприятие. Он сидел в кресле напротив меня и нервно покачивал ногой. Он вспоминал день, когда Сесилия застала его на месте преступления.

– Она хотела, чтобы мы занимались этим только раз в неделю, поэтому я делал это сам довольно часто. Обычно в ванной или в магазине, когда все уходило домой, – говорил он. – Но в тот день я был в спальне. Была суббота, и она работала в саду, поэтому я думал, что ее не будет некоторое время и я в безопасности.

Он почти достиг оргазма, когда Сесилия открыла дверь.

– Что ты делаешь?! – закричала она.

Брайан бросился натягивать штаны, прикрывая пенис рукой.

– Как будто я стыдился не только того, что делал, но вообще того, что раздет, своего тела, – рассказал он.

В тот день он спал на диване. На следующее утро она объявила ему, что то, что он делает, – грех, что это извращение. Он женатый человек. Он должен был уже перерасти необходимость в мастурбации. Если бы он любил ее, он бы так не поступал.

Сесилия не только изложила представления католической церкви о мастурбации, но и затронула один из самых распространенных мифов, связанных с этим. Она была убеждена, что человек, женившись или выйдя замуж, достигает сексуальной «зрелости» и должен, как следствие этого,

отказаться от мастурбации и перенести всю свою сексуальную энергию на вторую половину. Конечно, на дворе был 1976 год, сексуальная революция еще владела умами людей, тем более на калифорнийском побережье, но люди с трудом расстаются с отжившими мифами.

Прошло несколько неприятных недель, прежде чем Сесилия объявила, что хочет развода. Брайан умолял ее не уходить от него. Он обещал, что никогда больше не сделает этого, собирался идти к психотерапевту. Но Сесилия была непреклонна, и к концу года развод состоялся.

В течение первого сеанса Брайан много говорил о Сесилии. Я получила прекрасное представление о том, что происходило у нее в голове. Но что об этом думал Брайан? Считал ли он себя виновным?

– Не знаю. Наверное, она бы не ушла, если бы я не сделал ничего плохого, – говорил он. – Я разрушил свой брак... этим, – он взъерошил свои золотистые волосы. – Я не могу достичь эрекции с тех пор, как она меня поймала. Прошло уже два года, и я все еще надеюсь на какие-нибудь изменения.

– Как будто ты себя наказываешь, – сказала я.

– Возможно, – ответил он.

– Брайан, у бедной Сесилии ложные представления об этом, и, может быть, она когда-нибудь убедится в своей ошибке. Ты не сделал ничего плохого. Мастурбация – это естественная, здоровая потребность.

– Даже если ты женат?

– Женат, одинок, разведен, помолвлен, живешь с кем-нибудь – неважно. В мастурбации нет ничего плохого.

Думаю, подсознательно Брайан давно это чувствовал, но эти слова, произнесенные мной, придали ему уверенности. Работа суррогатного партнера всегда заключается в том, чтобы прежде всего убедить клиента, что своих сексуальных потребностей не нужно стыдиться. Брайан колебался в своей оценке того, что делал. Он не считал, что мастурбация – грех настолько тяжкий,

что из-за этого стоит разводиться, но был далек от того, чтобы считать это естественной потребностью. Я попросила его изложить мне свои взгляды на мастурбацию и рассказать, чему его учили.

– Меня растили в католической вере, поэтому я всегда считал, что это грех. Думаю, я никогда не хотел в это верить. Я не слышал, чтобы в семье или где-нибудь еще об этом говорили. Многие мои друзья говорят, что мужчине это не требуется, если у него есть женщина.

Я заверила Брайана, что это тоже миф, и спросила, что происходит, когда он начинает возбуждаться и мастурбировать.

– Я начинаю представлять себе разные вещи, но потом спохватываюсь и прерываю себя. Потом меня охватывает беспокойство – сможет ли он вообще когда-нибудь стать твердым? Это какая-то ирония – я не могу мастурбировать с тех пор, как Сесилия от меня ушла.

Он добавил, что с тех пор, как развелся, он несколько раз терпел неудачу в постели с разными партнершами, и все заканчивалось неловкими извинениями. Чувство унижения и страх, что у него никогда больше не будет нормальных отношений, заставили его обратиться к психотерапевту, который и направил его ко мне.

– У меня для тебя есть домашнее задание, – сказала я. – Я хочу, чтобы ты позволил себе фантазировать. Следующие две недели старайся представлять разные вещи, дай себе самому разрешение продолжать. Помни, что это просто фантазии, поэтому в них можно делать все, что угодно, – аморальное, незаконное, вредное, – все, что хочешь.

Как и многих других клиентов, Брайана что-то удерживало. Я чувствовала, что ему было любопытно и он хотел избавиться от некоторых сомнений. С другой стороны, он был охвачен таким чувством вины, так боялся проявлений собственной сексуальности, что даже узнать что-то новое казалось ему преступлением. Пациенты всегда приходят ко мне, наслушавшись разных мнений, испытывая противоречивые чувства, по-разному оценивая сексуальность. Проблема заключается в том, что в большинстве случаев они находятся во власти заблуждений, стереотипов, которые распространяют средства массовой информации, и просто ложных сведений. Я не перестаю

удивляться тому, что наличие необходимых знаний в этой области, поданных без осуждения и неодобрения, могут легко рассеять чувство стыда или вины и превратить интимные отношения из постоянной борьбы в источник удовольствия.

Я спросила Брайана, готов ли он выполнить некоторые упражнения. Когда он ответил согласием, мы прошли в спальню и разделись. Я сняла с кровати плед и, предложив ему лечь, легла рядом с ним.

Как обычно, я начала с расслабляющих упражнений. Я попросила его дышать глубоко, медленно, чтобы живот становился плоским и снова принимал прежнюю форму на выдохе. Он закрыл глаза, и я помогала ему мысленно «сканировать» свое тело от головы до пальцев ног, проговаривая каждую деталь.

– Продолжай дышать, и если почувствуешь, что в какой-то точке осталось напряжение, вдохни, направляя вдыхаемый воздух в эту точку, и как будто выпускай напряжение на выдохе, – сказала я.

Когда он завершил «сканирование», я попросила его сделать еще пять глубоких вдохов.

– Постарайся избавиться от любого напряжения, если оно еще остается в теле.

Затем я спросила, как он себя чувствует, и он ответил, что гораздо более расслаблен, чем был вначале.

Пришло время перейти к упражнению «ложечка», которое создает необходимое ощущение близости между мной и клиентом. Я попросила Брайана повернуться на бок, спиной ко мне. Я тоже повернулась, прижавшись к нему в форме ложечки. Я положила руку ему на пояс и согнула колени, прижимая их к внутренней стороне его коленей.

– Твое дыхание должно быть спокойным, – сказала я мягко. – Делай спокойные и плавные вдохи.

Я внимательно следила за ритмом его дыхания и сама дышала в такт. Вскоре мы уже делали одновременные вдохи и выдохи, начала устанавливаться эмоциональная близость. Я спросила Брайана о его ощущениях, чтобы знать, готов ли он перейти к «тактильному контакту». Когда он сказал, что готов, я попросила его лечь на живот на середину кровати, раздвинув ноги в форме буквы V. Я встала на колени возле кровати и, попросив его дышать глубоко, на вдохах начала ощупывать его ступни и лодыжки. У него были плоские ступни и мозоли на больших пальцах.

Я села на кровать между его ног. Волосы на них были почти белыми, гораздо светлее, чем на голове. В начале упражнения его мышцы на ногах и спине были напряжены, как туго натянутый канат. Когда я провела по ним ладонями, то почувствовала, что какая-то часть напряжения ушла. Я ощупала его ягодицы и верхнюю часть спины. На его широких плечах была россыпь веснушек коричневого цвета. Мои ладони исследовали его плечи и руки. Напряжение немного ослабло.

Я вернулась к плечам, ощупала шею и добралась до макушки. Мои ладони коснулись той части лица, которая была мне видна, пальцы почувствовали челюсть, щеку, ухо и снова осторожно опустились вниз широкими скользящими движениями до подушечек пальцев на ногах. Я аккуратно сжала их и попросила Брайана сделать глубокий вдох. На выдохе я разжала руки. Очень тихо, почти шепотом я попросила перевернуться на спину, когда он почувствует, что готов к этому.

Я постепенно ощупала переднюю часть ступней, ноги и приблизилась к промежности. Когда я коснулась основания пениса, он стал тверже и мышцы во всем теле напряглись. Я попросила его сделать глубокий вдох, пока мои руки двигались вверх, к лобку, животу и груди. Я пробежала пальцами по плечам, рукам, ладоням и вернулась к шее и лицу. Я коснулась глаз, лба, ушей, губ, челюсти и в последний раз совершила весь путь обратно, вниз.

В течение всего упражнения пенис Брайана никогда не был до конца расслаблен. Эрекция становилась сильнее, слабее, а потом снова сильнее. Я часто замечаю это при работе с пациентами, и на этой стадии не следует сразу же переходить к половому акту. Главное заблуждение о работе суррогатного партнера заключается в том, что секс с клиентом происходит сразу же и на каждом занятии, тогда как наша основная задача – помочь клиенту лучше разбираться в себе и управлять потребностями своего тела. Для клиента приходиться в состояние эрекции, расслабляться, достигать ее снова и затем

снова расслабляться очень полезно, потому что дает понять ему и мне, что возбуждает его, а что нет. До секса дело доходит позже, когда мы выполним некоторый набор упражнений и постепенно достигнем необходимого уровня близости. Я хочу научить пациента разбираться в том, что его заводит, и заставить его понять, что эрекция наступает, когда он расслаблен и не волнуется.

* * *

Две недели спустя Брайан снова опустился в кресло напротив меня в моем офисе. Он сильно горбился и постоянно перебирал пальцами. Он с жадностью набросился на орешки, стоявшие перед ним на столике.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Не знаю. Задание, которое ты мне дала, – я не смог его сделать. У меня просто не получается не думать о разных вещах.

– Это нормально. Помни, что мы только начали работу. Постарайся быть терпеливым по отношению к самому себе.

– Я не уверен, что смогу что-то изменить. Только он становится твердым – я начинаю паниковать, и все уходит.

– Все получится, просто это не может произойти в одно мгновение. Ты приобретешь необходимые навыки, чтобы управлять этим, но потребуется время. Помни, нужно стараться быть терпеливым.

Мы поговорили еще немного. Брайан вспомнил еще несколько мифов, с которыми он вырос: будешь много мастурбировать – ослепнешь; это признак душевной болезни; это может стать опасным пристрастием.

– Все это неправда, Брайан. Мастурбация – это естественно, это даже полезно по многим причинам. Это укрепляет простату, снимает стресс, помогает лучше распознавать проявления своей сексуальности. У меня есть еще одно упражнение, которое я хочу тебе показать, оно помогает лучше узнать свое тело.

Упражнения Кегеля укрепляют мышцы диафрагмы таза и увеличивают чувствительность гениталий. Обычно им обучают женщин, но для мужчин они тоже полезны. Их используют, чтобы развивать чувственный центр, то есть способность острее воспринимать и отвечать на физические ощущения. Особенно это касается напряжения мышц, приходящего вместе с половым возбуждением. Я подумала, что, если Брайан научится лучше чувствовать свое тело, это поможет справиться с запретами, которые он сам на себя накладывает.

Мы прошли в спальню, сняли одежду и легли рядом на кровать. Я объяснила Брайану упражнения.

– Они помогают почувствовать лобково-копчиковую мышцу. Лучший способ найти эту мышцу – попытаться остановить поток мочи, когда в следующий раз будешь в туалете. Ты сделаешь это с помощью ЛК-мышцы. В следующий раз постарайся попробовать. Во время семяизвержения ты непроизвольно задействуешь эту мышцу.

Затем я вместе с ним выполнила упражнение.

– Представь, что ты долго всасываешь что-то через соломинку. Сделай долгий вдох ртом и сосчитай до трех и в это же время напряги ЛК-мышцу. Представь, что тебе нужно в туалет, но поблизости его нигде нет. Зафиксируй такое положение на три секунды, а потом расслабь мышцу. Потом сделай три быстрых коротких вдоха, чтобы вдохи приходились на напряжение мышцы, а выдохи – на расслабление. Делай попеременно два этих упражнения – двадцать раз долгие вдохи, двадцать – короткие.

Мы вместе несколько раз повторили цикл упражнений, и я предложила ему вместо двадцати выполнять их по шестьдесят раз в день и постепенно дойти до сотни.

Мы снова перешли к «тактильному контакту», и на этот раз Брайан чувствовал себя свободнее. Исследуя переднюю и заднюю часть его тела, я заметила, что мышцы не так напряжены, а иногда мне даже казалось, что он вот-вот заснет.

Когда мы закончили, я попросила его рассказать, что он чувствовал. Он сказал, что касание плеч и стоп доставляло ему чувственное удовольствие, а нижней

части спины и области гениталий – сексуальное. Ему было приятно, когда я сжимала его руки и заднюю часть ног, и он не чувствовал ничего – в остальных частях тела.

Закончив исследовать тело Брайана и услышав его отзыв, я попросила его сделать то же самое со мной, так я и делаю обычно на втором сеансе.

Я перекатилась на живот, а Брайан опустился на пол. Он осторожно взял в руку мою ступню. Я почти сразу поняла, что у него очень хорошо получается. Было очевидно, что он внимательно следил за тем, как это делаю я, и повторяет мои медленные движения, используя всю ладонь целиком.

Брайан сильными руками ощупал мои лодыжки и заднюю часть бедер, затем легко провел по бедрам, ягодицам и пояснице. Здесь он нажал немного сильнее, и мои мышцы расслабились под его прикосновением. Он расставил руки и ощупал мою спину, плечи и руки до самых ладоней. Затем вернулся к плечам и шее. Кончиками пальцев он осторожно исследовал мой лоб, нос, щеки и губы.

Когда он снова вернулся к моему телу и добрался до ступней, я по его просьбе перевернулась на спину. Пока Брайан медленно, шаг за шагом, касался частей моего тела, я почувствовала, что расслабилась еще больше и во мне начинает нарастать возбуждение. Его пальцы коснулись моего лобка. Брайан почувствовал, как напряглись мои мышцы, и осторожно надавил ладонями мне на живот, пока я делала глубокие вдохи. Его руки двигались выше, и когда он добрался до моей груди, то провел указательным пальцем вокруг сосков. Коснувшись лица, он еще больше замедлил движения: осторожно провел пальцами по моим губам, затем они скользнули вдоль носа и по скулам. Он добрался до макушки и снова начал возвращаться вниз, касаясь всех тех мест, которых уже касался раньше. Затем, не торопясь, спросил, готова ли я рассказать о своих ощущениях.

Я сказала, что почти все это время мне было приятно. Сексуальное удовольствие я ощущала, когда он касался внутренней стороны моих бедер, груди, лица, шеи, ягодиц, сосков и внутренней части руки. Когда он касался остальных частей тела, мне было приятно и иногда я ощущала чувственное удовольствие. Нейтральных ощущений я не испытала ни разу. Брайан лег рядом со мной, касаясь меня бедром и плечом. Я могла чувствовать тепло его тела. Мы закрыли глаза и начали делать глубокие вдохи. Спустя несколько минут я открыла глаза и заметила, что его пенис стал тверже.

Я понимала, что доверие между нами растет. Брайан касался моего тела и знал, что мне это нравится. Это всегда помогает клиентам, потому что они чувствуют, что находятся со мной на равных. Мы продолжили делать дыхательные упражнения, и когда я открыла глаза, чтобы заговорить, то увидела, что пенис Брайана снова расслаблен.

– Брайан, ты готов встать?

– Да, – ответил он сонно.

Я встала с кровати и спросила, могу ли его обнять, и поблагодарила, когда он разрешил мне сделать это. Мы оделись и вернулись по коридору в комнату, где я проводила консультации. Я напомнила ему о необходимости делать упражнения, которые сегодня показала ему, и мы договорились встретиться еще раз две недели спустя.

К концу нашего третьего занятия Брайан достиг заметного успеха. Он регулярно выполнял упражнения, которым я его научила, – дыхательные, расслабляющие, упражнения Кегеля. Его страх перед мастурбацией и чувство вины были уже не так сильны, и он мог поддерживать состояние эрекции пять или шесть минут, почти в два раза больше, чем раньше. Он говорил, что теперь мог погрузиться в свои фантазии и чувствовал, что в его сознании произошли некоторые изменения. Например, он все еще слышал команду «стоп», когда начинал возбуждаться, но уже понимал, что ему не обязательно подчиняться этой команде. Расслабляющие упражнения помогали распознавать и избавляться от чувства тревоги, которое делало его эрекцию непродолжительной. Для трех сеансов это был значительный результат, но только на четвертом занятии Брайан действительно сделал большой шаг вперед. На этом занятии я показала ему упражнение с гениталиями.

* * *

Когда Брайан пришел на четвертое занятие, на его лице играла широкая улыбка. Он достиг успеха, о котором раньше не мог и мечтать. Он даже собирался пригласить одну девушку на свидание. Мы немного поговорили, затем я пригласила Брайана в спальню.

– Для этого упражнения нужно сосредоточиться на гениталиях, – объясняла я. – Мы будем исследовать друг друга и рассказывать о том, что чувствуем. Упражнение полезно по двум причинам. Во-первых, оно дает возможность определить, какая часть этой зоны более чувствительна и лучше отзывается на прикосновения. Во-вторых, оно помогает перенести наше общение на более интимный уровень. Ты будешь говорить, что чувствуешь, а затем мы поменяемся ролями. Наша задача – научиться вести подобный диалог с будущим партнером.

Брайан немного напрягся.

– Упражнение предполагает абсолютную бесстрастность, – продолжила я. – Единственное, к чему мы должны стремиться, – это внимательно следить за своими ощущениями. Я буду постоянно спрашивать тебя об этом. Здесь нет правильных или неправильных ощущений. Отнесись к этому, как к медленному, вдумчивому исследованию. Будь внимателен к каждому прикосновению и используй все органы чувств. Анализируй все, что видишь, слышишь, чувствуешь, любой запах или вкус. Многие не достигают эрекции во время упражнения, некоторым это удается. И то, и другое нормально.

Я включила лампу на ночном столике. Затем достала из шкафа шесть подушек, четыре из которых положила в изголовье, чтобы Брайан мог опереться на них, и две оставила для себя, чтобы удобнее было лежать на середине кровати. Из тумбочки я взяла небольшое зеркало, салфетки и смазывающий гель.

Я сняла брюки и блузку и убрала волосы в пучок, чтобы они не мешали. Брайан разделся, я взяла его за руку и отвела к кровати. Я попросила его сесть, опереться спиной о подушки и согнуть ноги в коленях. Две оставшиеся подушки я положила себе под поясницу, чтобы мне было удобно сидеть между его ног на середине кровати. Я раздвинула ноги и попросила Брайана сделать то же самое, чтобы наши ноги образовывали ромб.

На ногах у Брайана круглились мышцы, волосы на его голених немного щекотали мне колени. У него были широкие плечи, короткие пальцы и длинный шрам на предплечье. Его живот пересекала дорожка волос, которые становились тоньше и почти исчезали на груди. Я взяла его руки в свои.

– Глубокое дыхание, – произнесла я.

Несколько минут мы вместе делали вдохи и выдохи, и, наконец я разжала пальцы и выпустила его ладони.

У Брайана был пенис средней длины. На лобке – широкий треугольник светлых волос. Широкая мошонка выступала вперед.

– Помни, в течение этого упражнения ты, возможно, возбудишься, а может быть, и нет. И то, и другое приемлемо. Любая реакция будет естественной.

Я наклонилась вперед, взяла пенис Брайана в левую руку, поддерживая его правой. Я осторожно согнула его в сторону лобка.

Я медленно вела кончиком пальца вдоль желез на головке. По правой стороне до мочеиспускательного канала и вниз по левой стороне.

Я почувствовала, как напряглись мышцы на его ногах. Я попросила его попробовать расслабиться. Каждый раз, когда я чувствовала, что в той или иной части тела появляется напряжение, я клала ладонь на это место и просила его ослабить напряжение.

– Расскажи, что ты чувствуешь. Одна сторона более чувствительна, чем другая? – спросила я.

У него покраснели лицо и шея, напряглись мышцы живота.

– Мне кажется, правая, но я не уверен, – ответил Брайан.

Я снова провела пальцем по головке и спросила, чувствует ли он разницу сейчас, напомнив, что чувствовать ее совершенно не обязательно и вполне естественным будет ответить отрицательно.

– Я не знаю.

– Хорошо, тогда продолжим.

Я дотронулась до уздечки – зоны, которая расположена треугольником внизу головки, и пробежала пальцами между двумя железами. И снова спросила у

Брайана, что он почувствовал.

- Это приятно. Очень приятно.

Я коснулась венца в нижней части головки пениса и спросила его, изменились ли ощущения по сравнению с остальными моими прикосновениями.

- Не так чувствительно, как то, что было до этого.

- Ты имеешь в виду уздечку?

- Да, уздечка.

Пенис Брайана начал напрягаться. Сжимая его левой рукой, я провела три раза сверху вниз с правой стороны, с левой и в середине чуть ниже головки. То же самое я сделала в средней части пениса и внизу, совсем близко к основанию. Я снова обратилась к Брайану с тем же вопросом, он ответил, что самые приятные ощущения ему доставили прикосновения возле головки.

Я сделала то же самое справа, слева и в середине мошонки, провела пальцем по линии, похожей на шов, который формируется, когда зародыш становится самцом. Линия идет от головки пениса к мошонке. Как у многих обрезанных мужчин, у Брайана эта линия была изогнута вправо. Брайан сказал, что на всей длине линии самым чувствительным местом была правая часть промежности.

Дыхание Брайана участилось, и я попросила его закрыть глаза. Я выдавила на руки немного геля. Осторожно сомкнув пальцы на основании пениса, я сделала винтообразное движение запястьем и поднялась вверх, к головке. Я повторила спираль правой рукой, а затем левой и спросила, почувствовал ли он разницу. Брайан ответил, что более приятные ощущения ему доставило движение левой рукой.

Брайан полностью достиг эрекции, и его мошонка набухла. Я попросила его сделать несколько глубоких вдохов и мысленно обратиться к своему телу, расслабляя напряженные мышцы.

– Испытывать напряжение во время эрекции естественно, особенно в области живота, ягодиц и бедер, но если ты попытаешься расслабить мышцы, это позволит продлить ощущения, которые ты испытываешь сейчас, – сказала я.

Я взяла салфетку и вытерла гель.

– Сейчас я сделаю то же самое ртом, – сказала я.

Я наклонилась еще дальше и взяла его пенис ртом. Я немного согнула ноги в коленях, чтобы было удобнее наклоняться. Ноги Брайана лежали на моих, от моего движения они приподнялись и напряглись.

– Расслабь ноги, опусти их на мои. Все необходимое я сейчас сделаю сама.

Он расслабил мышцы.

Языком я провела по основанию и головке пениса, делая кругообразные движения, чувствуя, как головка упирается в мое небо. Я достала его пенис изо рта, чтобы касаться головки только губами. Затем разомкнула губы.

– Какие ощущения?

– Приятно, – Брайан сделал глубокий вдох. – Просто отлично.

– Тебе больше понравились касания губами или рукой?

– Губами.

Я выпрямила спину. На этой стадии я перехожу к обсуждению того, что выяснила во время упражнения. Брайан и я, мы вместе узнали много нового о том, на что реагирует его тело и в какой его части оно наиболее чувствительно к прикосновениям.

– Я получила более ясное представление о том, какие прикосновения доставляют тебе большее удовольствие. Уздечка, промежность, правая сторона пениса – у тебя эти зоны очень чувствительны. Тебе понравились оральная стимуляция и спиралеобразное движение левой рукой вниз. Это очень важно

для дальнейшей работы.

Я спросила Брайана, удобно ли ему, не нужно ли сходить в ванную, требуется ли ему передышка. Он ответил, что все в порядке, и кивнул в ответ на вопрос о том, готов ли он преступить к исследованию моих гениталий.

Я достала ноги, лежавшие под ногами Брайана. Они были влажными от пота и легко скользили друг о друга. Я положила свои ноги поверх, чтобы они по-прежнему лежали в форме буквы V, и протянула Брайану зеркало, попросив повернуть его той стороной, которая увеличивала.

Пальцами я раздвинула большие половые губы, чтобы было хорошо видно вульву.

– Если ты поставишь зеркало вот здесь, то тебе будет хорошо видно, – сказала я, указывая на нужное место на кровати. – И я проведу тебе экскурсию по моему влагалищу.

Я немного смазала палец гелем.

Начав сверху, я показала ему, где расположен капюшон клитора, клитор и малые губы, потом – отверстие уретры. Брайан спросил, чувствительно ли оно к прикосновению. Я сказала, что мне не нравится, когда касаются именно там, но бывают женщины, испытывающие другие ощущения, и нужно всегда задавать вопросы партнеру. Еще я объяснила, что, прежде чем касаться гениталий, нужно мыть руки, чтобы не допустить попадания бактерий, и убедиться, что ногти на руках пострижены.

Я показала ему место сразу же за отверстием уретры и сказала, что моя точка G находится с обратной стороны:

– Она находится на стенке влагалища за уретрой, на дюйм вглубь.

Я показала преддверие влагалища, зону перед отверстием влагалища и остатки девственной плевы, которые выглядят, как неровные обрывки кожи, два наверху, два внизу. Затем я ввела во влагалище палец.

Я достала палец и провела им вдоль промежности.

Брайан тяжело дышал, и я видела, что мошонка приподнялась. Несколько капель семени появились на головке. Я спросила его, что он чувствует.

– Все хорошо, но я немного боюсь, – сказал он.

На вопрос, чего он боится, Брайан ответил, что боится кончить слишком быстро из-за того, что у него уже очень долго не было отношений с женщиной. Последний раз он занимался сексом около двух лет назад, и с тех пор ни одна попытка не увенчалась успехом. Я напомнила ему, что его пенис находится в состоянии эрекции уже около пятнадцати минут, это гораздо больше, чем все, чего нам удавалось достичь до этого. Мы сделали несколько глубоких вдохов. Я попросила его на выдохе попытаться расслабить каждую напряженную мышцу на животе, ягодицах, в бедрах. Его пенис немного расслабился, и мы могли продолжать. Я сказала, что он может немного смазать палец гелем и начать исследовать мои гениталии.

Я приподняла капюшон клитора и попросила коснуться моего клитора.

– Это очень приятно. Некоторым женщинам прямое прикосновение кажется слишком чувствительным, но мне это нравится. Лучше всего начать с касаний на внешней стороне капюшона и спросить, хотела бы партнерша, чтобы касались ее клитора. Возможно, сначала она скажет, что ей этого не хочется, но все может измениться, когда возбуждение растет. Начни с легкого касания и спрашивай, хочет ли она, чтобы ты нажимал сильнее. Лучше, чтобы палец был смазан какой-нибудь естественной смазкой или специальным средством.

Я начинала чувствовать возбуждение, ягодицы и живот напряглись, и по телу прошла волна жара. Я сделала несколько глубоких вдохов и расслабила мышцы.

Палец Брайана двигался вдоль изгиба моей малой губы.

– Это очень приятно, особенно слева.

Я попросила его ввести палец внутрь до первого сустава и коснуться стенки влагалища с внутренней стороны.

– Это и есть точка G. Моя не так чувствительна, как клитор, но мне все равно очень нравится прикосновение в этой области.

Брайан вводил палец все глубже, и из моего влагалища начала выделяться жидкость. Он медленно доставал палец и снова вводил внутрь.

– Мне кажется, что касание справа мне приятнее, чем слева, – сказала я.

Его палец проник глубже, дотронувшись до шейки матки. Он спросил, чего коснулся, и я ответила. Затем он спросил, нравится ли мне это прикосновение. Я объяснила, что мне это не нравится, но это очень субъективно, так что нужно всегда спрашивать об этом у партнера. Брайан достал палец. Я взяла его в руку, провела им вдоль промежности, объяснив, насколько чувствительна эта область.

Тогда Брайан взял в руку свой пенис и сделал быстрое движение рукой вверх и вниз. Когда ему показалось, что он скоро кончит, он остановился и сделал несколько глубоких вдохов. Он выдавил на руку немного геля и снова взял пенис рукой. Движение вверх и вниз было уже более медленным. Через несколько минут он ускорил темп. С негромким «О!» он кончил, откинув голову на подушки и свесив руки по обе стороны тела.

– Брайан, что ты чувствуешь?

– Только приятные ощущения.

Его голова опустилась на правое плечо. Он закрыл глаза и задышал ровно и медленно. Я подумала, что он уснул, пока внезапно он не произнес: «И никакой вины».

Я сказала ему, какого большого успеха он достиг, и добавила, что он приобрел очень полезный навык.

– Ты полностью контролируешь свое тело. Если захочешь продлить стадию возбуждения, получить больше удовольствия перед оргазмом, ты уже можешь это делать. Продолжительность этой стадии теперь зависит только от тебя.

* * *

Четвертое занятие стало поворотным пунктом для Брайана. В первый раз за два года ему удалось достичь оргазма во время мастурбации, и впервые за всю свою жизнь он смог сделать это в присутствии другого человека.

Как и в психотерапии, процесс работы суррогатного партнера с клиентом редко бывает линейным. Два шага вперед и один назад. Моя задача – двигаться на пути к улучшению, и я готова к тому, что оно наступает не сразу. История Брайана – тому пример.

– Я очень разочарован, я совершенно упал духом, – так начался наш пятый сеанс.

Брайан рассказал, что ему снова сложно поддерживать эрекцию. Я напомнила ему, какой огромный шаг вперед он сделал, и заверила, что неудачи – это обычное явление.

– Постарайся быть терпеливым, чувствуй свое тело. Ты прекрасно справляешься. Одна неудачная попытка не означает, что все, чего ты достиг раньше, прошло впустую, – повторяла я.

На трех занятиях, последовавших за этим, мы делали много разных упражнений. Брайан справился с унынием и снова начал делать успехи. Когда пришло время седьмого сеанса, он сообщил мне, что ему несколько раз удалось достичь оргазма.

На последнем занятии он объявил, что вот уже месяц, как он успешно мастурбирует, не испытывая при этом никакого чувства вины, и рассказал, что в эту субботу у него свидание с прекрасной девушкой.

– Я уже не боялся пригласить ее поужинать, – сказал он.

– Прекрасно! Это очень здорово, Брайан.

Самое большое удовлетворение от работы я получаю, когда мой пациент приобретает все большую уверенность в себе и ему все проще поддерживать с другими людьми общение, которое, как я всегда надеюсь, перерастет со временем в здоровые и крепкие отношения.

– Брайан, я хочу, чтобы ты знал – если у тебя когда-нибудь возникнут сомнения, если тебе понадобится одобрение и помощь, ты всегда можешь позвонить мне.

Мы обнялись.

– Ты прекрасен. Не забывай об этом, – повторяла я, провожая его до двери.

Если я вижу, что пациент преодолевает проблему, подобную той, с которой столкнулся Брайан, я не упускаю случая лишний раз напомнить ему, какой большой шаг вперед он сделал и как сильно смог измениться. За много лет до того, как я стала суррогатным партнером, мне приходилось постоянно напоминать об этом самой себе.

Глава 4

Озабоченная

В мой первый год обучения в старших классах меня свалил сильнейший грипп, и я пребывала в полной уверенности, что это и есть преддверие загробной жизни, если, конечно, не перестану каждую ночь предаваться греху. Мое горло горело огнем, я едва могла глотать. Оба уха были заложены наглухо, и под двумя одеялами меня била дрожь. Мне казалось, что кашель выскребает изнутри мои легкие, как металлическая губка. Необходимость встать с постели и добраться до туалета грозила переутомлением. Ходить в школу я не могла и, как результат, пропустила первую неделю занятий в октябре, и по возвращении мне предстояла целая куча того, что необходимо было нагонять.

В первый же день я отправилась на второй этаж, чтобы переписать лабораторную работу. Перед дверью класса естественных наук в коридоре болтали несколько долговязых мальчиков из школьной команды по баскетболу. В свои четырнадцать я была очень стеснительной и никогда не решилась бы заговорить с ними. Возможно, мне и удавалось смешно рассказывать истории в кругу своих подружек, но с мальчиками я была застенчива. Из-за моей общительности это не бросалось в глаза, но в душе у меня скрывались комплексы по поводу внешности. Я не считала себя достаточно

привлекательной, и у меня были претензии к своей фигуре. К примеру, мне казалось, что у меня слишком обвислая грудь, мне хотелось, чтобы она торчала, как два розовых бутона. Когда я сравнивала себя с симпатичными девочками у нас в школе или со звездами кино тех лет, оказывалось, что я страшно низенькая. Рядом с этими школьными качками я еще явственнее сознавала все свои недостатки.

Один из тех, кто болтался в тот день в коридоре, был симпатичный мальчик с короткими светлыми волосами и серо-голубыми глазами. Я прошла мимо них и постучала в дверь класса, но никто мне не ответил. Я подождала некоторое время и постучала еще. Ничего не произошло. Тогда симпатичный мальчик подошел и постучал в стену, и почти сразу же учитель открыл мне дверь.

- Вот так, - сказал он и одарил меня широкой улыбкой.

- Спасибо, - ответила я, размышляя, кто же этот красавчик с магическими способностями.

В те дни танцы были для нас важным светским мероприятием. Каждую осень, в последнюю неделю октября, в школьном спортзале устраивали «вечеринку для новичков». Когда я вошла в зал, в музыкальном автомате играла песня «Come on, let's go» Ричи Валенса и у стены стояла группа моих друзей с колой в руках. Они смеялись, двигаясь в такт музыке. Бекки надела зеленовато-голубое платье из тафты без бретелек и с широкой юбкой и белые туфли на высоком каблуке, Марси - изумрудную юбку-карандаш и белую блузку с вырезом в форме сердца. На мне было красное платье с обтягивающим верхом и плиссированной юбкой. Сейчас я думаю, что, наверное, выглядела неплохо, но в тот момент мне казалось, что я недостаточно привлекательна, недостаточно опытна, словом, я была неуверена во всем, за исключением разве что своей полноты. Я слишком толстая - в этом я была полностью уверена. И неважно, что с весом у меня все было в порядке - как и большинство молодых девушек, я считала себя толстой. Я поболтала немного с подружками, пока не увидела его. На самом деле, я думаю, что первой я увидела все-таки ее. Джуди Толтон шла, держась за руки с мальчиком из коридора перед кабинетом физики. У нее на шее была цепочка, а на цепочке висело кольцо.

- Привет, Джуди, привет, Билл, - сказала Бекки, увидев их.

Так, теперь я знаю его имя. Ах да, еще я знала, что он встречается с самой противной девочкой в городе, и было очевидно почему. Джуди Толтон, которая занималась вместе со мной в танцевальной студии мисс Даффи уже несколько лет и едва сказала мне два слова за все это время, была великолепна. У нее были сияющие светлые волосы до середины спины и пухлые губки. Еще у нее была тонкая талия и длинные ноги. Но она была такой заносчивой! У меня упало сердце. Я тихонько отошла, чтобы взять себе еще колы. С тех пор, как я встретила Билла в коридоре в тот день, я предавалась мечтам о том, как мы будем встречаться, потому что он безумно, безнадежно влюбится в меня. При мысли об этом у меня кружилась голова от радости. А сейчас я чувствовала себя ужасно глупо. Единственное, за что я была благодарна судьбе, так это за то, что никому еще не рассказала о своих фантазиях. Он был парнем Джуди Толтон. Джуди Толтон, на которую все хотели быть похожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/lorna-garano-2/sheril-grin/seks-moya-zhizn-otkrovennaya-istoriya-surrogatnogo-partnera/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Baby boom – период между 1946 и 1964 годами, когда в США был зафиксирован резкий взлет рождаемости. – Прим. пер.

2

Дорчестер – район Бостона, основанный в XVII веке пуританами, выходцами из Англии. – Прим. пер.

3

Перевод С. Маршака.

Купить: <https://tellnovel.com/lorna-garano/seks-moya-zhizn-otkrovennaya-istoriya-surrogatnogo-partnera-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)